

Владимир Карпов

Полководец

Владимир Карпов

Полководец

«ВЕЧЕ»

1984

Карпов В. В.

Полководец / В. В. Карпов — «ВЕЧЕ», 1984

Бесспорны талант, высокое мастерство и профессионализм писателя Владимира Васильевича Карпова. В 1986 году за повесть «Полководец» В.В. Карпов был удостоен Государственной премии СССР. Повесть стала широко известна во всем мире и выпускалась в Германии, Великобритании, Китае, странах Восточной Европы. Книга посвящена жизни и боевой судьбе генерала армии Ивана Ефимовича Петрова. Однако это не только биографическое повествование, но и художественное произведение с элементами исторического исследования, основанного на советских и зарубежных документах, ставших доступными лишь недавно.

© Карпов В. В., 1984

© ВЕЧЕ, 1984

Содержание

Владимир Васильевич Карпов – отважный разведчик и летописец войны	6
Несколько вступительных слов	9
Полководец	12
В боях за Одессу	12
Июль 1941 года	12
Воспоминания. Годы 1939 – 1940	13
Июль 1941 года	14
Годы 1896 – 1924	17
Июль 1941 года	22
Воспоминания. Год 1945	26
Июль 1941 года	29
Документы и воспоминания. Годы 1923 – 1940	30
Август 1941 года	36
Общая обстановка осенью 1941 года	46
Август 1941 года	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Владимир Карпов

Полководец

© Карпов В.В., наследники, 2011

© Художественное оформление. ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Владимир Васильевич Карпов – отважный разведчик и летописец войны

В 1943 году девятнадцатилетним лейтенантом на Волховском фронте из фронтовых сводок, армейских и центральных газет я впервые узнал имя разведчика Владимира Карпова. А в 1944 году, уже на Ленинградском фронте, мне попался на глаза плакат «Фронтовые иллюстрации», изданный Главпуrom, на котором были представлены Герои Советского Союза, своеобразные «рекордсмены войны», «чемпионы» разных родов войск. Там были дружеские шаржи на летчика Александра Покрышкина, сбившего к тому времени 59 вражеских самолетов, снайпера Илью Григорьева, уничтожившего 328 фашистов. Среди героев, запомнившихся мне, упоминался и отважный разведчик, бывший спортсмен-боксер, чемпион Средней Азии в этом виде спорта капитан Владимир Карпов, который привел 79 «языков».

Прошло много лет с той поры, но незатейливое четверостишие с того плаката запомнилось мне на многие десятилетия:

Он как спортсмен известен нам:
К спортивным он привык победам.
А ныне – спец по «языкам»,
Слывет у нас «языковедом».

К тому времени имя Владимира Карпова стало в стране уже известным. Ему с боевыми товарищами приходилось переодеваться в немецкую форму, пробираться на территорию, оккупированную врагом, связываться с подпольщиками, получать от них важные документы. К тому времени он уже пользовался уважением и доверием у командующего 3-м Белорусским фронтом генерала армии Ивана Даниловича Черняховского.

А сегодня Владимир Карпов, тот самый смелый и бесстрашный разведчик, – известный писатель.

С тех дальних фронтовых лет я как-то невольно стал следить за его писательским трудом. Я понимал: сходить много раз в тыл врага со специальным заданием и писать об этом, опираясь на собственные наблюдения и переживания, – это конечно же более весомо, чем писать по рассказам других, выполнявших такие задания.

Военный опыт, писательский труд, помноженные на талант, снискали Владимиру Васильевичу огромный авторитет среди читателей, как наших, так и зарубежных. Нам всем очень повезло, что такой писатель остался жив и создает для нас и для последующих поколений замечательные книги. Я подчеркиваю – повезло, так как, во-первых, в феврале 1941 года девятнадцатилетним курсантом Ташкентского военного училища, незадолго до выпуска, Владимир Карпов был по ложному обвинению арестован, а во-вторых, работа войскового разведчика – это выполнение задач всегда на территории врага, это постоянное пребывание на лезвии бритвы, между жизнью и смертью.

Своеобразно устроен наш русский человек. Заключение Карпов писал Михаилу Ивановичу Калининскому – Председателю Президиума Верховного Совета СССР не просьбу о помиловании, а требование отправить на фронт, под пули – спасти Отечество.

Освободили из лагеря с оговоркой: «досиживать оставшийся срок после окончания войны, если во время боев не оправдает себя отважными действиями».

Два месяца бывший заключенный находился в составе 45-й армейской штрафной роты Калининского фронта. Это уникальный случай, когда за беспрецедентные по отваге и мужеству поступки красноармеец освобождается из штрафной роты. В новый, 1943 год Владимир

Карпов вступил рядовым 629-го стрелкового полка 134-й стрелковой дивизии. Вскоре стал сержантом, командиром отделения, затем младшим лейтенантом, лейтенантом, командиром взвода пеших разведки в своем полку. За свои славные подвиги в 22 года стал Героем Советского Союза.

После тяжелого ранения – учеба: Высшая разведывательная школа Генерального штаба, Военная академия имени М.В. Фрунзе, Высшие академические курсы Главного разведывательного управления Генерального штаба, а затем – работа на этих курсах старшим офицером.

Еще в госпитале, во время лечения после ранения, Владимир Карпов начал писать. Но, как человек ответственный, вскоре понял, что литература, как и любое другое дело, имеет свою технологию, свою теорию, свои основы и каноны, без знания которых останешься кустарем даже при писательском таланте.

Шесть лет напряженного труда на вечернем отделении Литературного института имени А.М. Горького! Шесть лет бессонных ночей офицера Генштаба, сочетающего работу, ответственные командировки с учебой!

Сразу же после защиты диплома подполковник Карпов, ученик великого Константина Паустовского, сам отвечает на вопрос: кто же он – профессиональный офицер или писатель?

Секретность службы в Главном разведывательном управлении Генерального штаба ограничивала возможность писательской работы, и Владимир Васильевич переходит на работу в войска. Многие офицеры стремились в Москву. Он же искал возможность, покинув столицу, получить назначение в войска и писать о сложной и интересной жизни армии в мирные дни.

В течение шести лет Карпов – командир полка на Памире, в песках Кара-Кумов, Кизил-Арвате, затем он назначается заместителем командира и начальником штаба дивизий в Кушке и Марах и, что символично, возвращается потом в Ташкент на должность заместителя начальника родного училища. Того самого, из стен которого по ложному доносу однокурсника много лет назад был посажен в одиночную камеру подземной тюрьмы. Но не сломался, не дал ложных показаний на начальника училища генерала И.Е. Петрова, как того добивались на допросах. Жизнь показала, что это был честный, преданный Родине военачальник. В годы войны он стал генералом армии, командовал фронтами, и благодарный ученик написал о нем повесть, назвав ее «Полководец».

Сегодня многие выпускники Ташкентского ВОКУ, воспитанники Владимира Карпова, – видные военачальники, известные в армии лица.

Отслужив 25 календарных лет в Вооруженных Силах, полковник запаса Карпов начинает новую жизнь – литературный труд.

Он становится заместителем главного редактора журнала «Октябрь», главным редактором журнала «Новый мир» – это высшая школа практической работы в литературе. В 1982 году съезд писателей избирает Владимира Васильевича секретарем Союза писателей СССР, а с 1987 года он становится председателем Союза писателей страны.

Беспорен талант, высокое мастерство и профессионализм писателя военной темы Владимира Карпова. Роман «Взять живым» отмечен премией Александра Фадеева, а сборник «Не мечом единым» удостоен премии Министерства обороны СССР. В 1986 году за повесть «Полководец», которая стала широко известной во всем мире, В. Карпову присуждается Государственная премия СССР. Повесть вышла в Англии, в Берлине, Пекине, Праге, Будапеште, Софии, а в нашей стране переиздавалась девять раз, переведена на армянский, украинский, узбекский языки.

«Полководец» – художественное произведение, сочетающее в себе исторические исследования, основанные на советских и зарубежных документах, ставших доступными лишь недавно и давших возможность, по сути дела, заново определить концепцию в оценке боевых операций и политических ситуаций не только в ходе Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Эта книга, несомненно, станет достоянием русской литературы, а имя автора займет

одно из почетных мест на скрижалях военной истории и как писателя, и как непосредственного участника Великой Отечественной войны.

Доктор литературы Страйтклайдовского университета (Англия), лауреат Международной премии «Золотая астрыбия» (Италия), академик Международной академии при ООН, академик Академии военных наук России – вот далеко не полный список почетных званий, присвоенных писателю. Болгарское правительство наградило Карпова орденом своей страны, а правительство Польши присвоило звание «Заслуженный деятель культуры Польской Республики».

Примечательно, что депутатом Верховного Совета СССР он был избран от Ростовской области по избирательному округу в станице Вешенская, сменив ушедшего из жизни Михаила Александровича Шолохова.

Владимир Карпов награжден боевыми медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу», двумя орденами Красной Звезды, орденами Ленина, Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени. С этими наградами и Золотой Звездой Героя на кителе с капитанскими погонами Владимир Васильевич вступил на Красную площадь Знаменосцем во главе парадного расчета Высшей разведывательной школы Генерального штаба Красной Армии в день никогда не меркнущего Парада Победы 45-го.

Владимир Карпов обладает могучим и вдохновенным писательским талантом. Его произведениям предстоит долгая жизнь. Хочется пожелать автору дальнейших успехов на литературном военном поприще. На военном, потому, что такой писатель не уходит в запас, он всегда в строю, всегда с воинами и офицерами, которые считают его своим бессменным сослуживцем. Хочется пожелать ему добра, счастья, благоденствия и здоровья.

*С глубоким уважением
Маршал Советского Союза
Д.Т. Язов
1997 г.*

Несколько вступительных слов

Берусь за перо с тем же радостным волнением, какое испытывал в юности, глядя на человека, о котором хочу написать.

Радостным? Не только. Есть теперь в этом волнении полынный привкус. Эта полынь не только с полей сражения, через которые он прошел. Эта полынь не наша общая – его, моя, ваша. Война, да и вообще жизнь, не проходит без горечи.

Людей, которые хорошо знали его, уже почти не осталось. Поколение фронтовиков Великой Отечественной уходит, свершив великие дела. Холодно на душе не оттого, что мы уходим: закон природы не изменить. Обидно, что об этом человеке люди не будут знать всего, что надо им знать.

Поэтому я и решил написать о нем книгу.

В «сороковые роковые» вопрос «делать жизнь с кого?» еще не ставился в нашей печати так широко, как сегодня, однако суть его воспринималась молодежью не менее глубоко и серьезно, чем в нынешние дни. Ярких личностей, прекрасных образцов для подражания было предостаточно и в те времена.

Моим кумиром был он. Не из книжки. Не с киноленты. Живой, кого я каждый день видел, и в то же время кажущийся недосыгаемым. Он был рядом, ходил, говорил, действовал. Говорил и со мной, не подозревая, кем для меня является.

И вот прожита его, да и моя, жизнь.

Мне уже за шестьдесят. Все главные события позади.

Я счастлив, что жизнь свела меня с ним. Судьба моя сложилась бы иначе, менее интересно, хотя, возможно, и не так трудно, если бы я не встретился с этим человеком. Он постоянно был в моей душе, хотя многие годы реально находился где-то далеко. Я не был его другом, но не был для него и сторонним человеком. Он тепло относился ко мне все двадцать лет знакомства – с 1938 по 1958-й, последний год его жизни. Говорю об этом так смело потому, что причины этой доброжелательности крылись не в моих личных качествах, а в его чуткости, отзывчивости, в его прекрасной доброй душе. Нет, он не был ангелом во плоти. Бывал крутым, порой беспощадным. Знал вспышки ослепляющего, но справедливого гнева. Благодарю судьбу, что я ни разу не был повинен в такой вспышке.

Кто же он? Иван Ефимович Петров.

Я увидел его впервые в 1938 году и тут же полюбил навсегда и бесповоротно. Он ходил в военной форме, носил ромб на петлицах гимнастерки, что в те годы соответствовало званию комбрига. Загорелый, перетянут широким командирским ремнем, с крупной звездой на пряжке, через правое плечо португепя, до блеска начищенные сапоги. Очень неожиданное пенсне на переносице. За долгие годы службы в армии я не видел ни одного командира, носившего пенсне. Очки носили многие, а военных в пенсне – не встречал.

Комбриг Петров был начальником Ташкентского военного пехотного училища имени В.И. Ленина, которое размещалось в здании бывшего кадетского корпуса недалеко от реки Салар, там, где начиналась Паркентская улица (кстати, теперь эта улица носит имя генерала Петрова). Ближайшей к училищу была 61-я средняя школа, в которой я учился, и в ней же учились дети многих командиров, работавших в училище. Среди этих ребят был Юра Петров, сын комбрига. Юра и привел меня однажды к себе домой, где я увидел его отца Ивана Ефимовича и мать Зою Павловну.

Юра был единственным сыном Петровых. Это был очень веселый и общительный мальчик. Худой и подвижный, он был заводилой многих озорных проделок одноклассников, но никогда не скатывался до хулиганства. Учился он легко, с друзьями был открыт, простодушен. Теперь Юры нет в живых. Будучи уже подполковником, он трагически погиб в 1948 году.

Много лет пролетело с той школьной поры, в больших исторических событиях довелось нам участвовать. Иван Ефимович Петров стал генералом армии, видным советским полководцем. Он командовал фронтами, удостоен звания Героя Советского Союза, многих высоких правительственных наград.

Бывали в его военной службе высокие взлеты и неожиданные падения. Какая-то роковая несправедливость шла по пятам за этим хорошим человеком долгие годы. Непонятных загадок в жизни Петрова было немало. Вот и на них надо поискать ответы.

На книжных полках – воспоминания замечательных советских полководцев: Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.Х. Баграмяна и многих других. Иван Ефимович был их соратником, все они отзываются о нем очень тепло.

Москва, Ленинград, Севастополь, Одесса, Новороссийск, Керчь, Киев, Минск и Брестская крепость входят в замечательную семью городов-героев. Они – наша гордость и слава.

Хочу обратить внимание на то, что при защите Одессы, Севастополя, освобождении Керчи и Новороссийска, то есть четырех из десяти городов-героев, одним из руководителей боевых действий наших войск был генерал И.Е. Петров. Блестящая аттестация для полководца! Вот и об этом его искусстве я в меру моих сил и понимания попытаюсь написать. Не для того, чтобы похвастаться, а желая получить доверие читателей, скажу: в делах военных я кое-что смыслю – прошел всю войну, окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и Высшие академические курсы Генерального штаба, много лет работал в Генштабе, командовал частями Советской Армии. Конечно, я не переоцениваю своих возможностей и не беру на себя смелость единолично судить о достоинствах и недостатках И.Е. Петрова как военачальника и об операциях, проведенных им в годы войны. Для таких ответственных суждений я использую документы, книги и рассказы крупных военных деятелей, современников Петрова, его начальников или равных по служебному положению и уровню оперативно-стратегической подготовки и мышления.

Иван Ефимович не успел написать мемуары. Он умер в 1958 году после длительной и тяжелой болезни. В последние годы жизни он писал воспоминания, но рукописей его мне не удалось обнаружить. Жена его, Зоя Павловна тоже умерла, не оставив никаких архивов.

Идут годы. Имя Ивана Ефимовича иногда появляется при упоминании советских военачальников и полководцев, по каким-либо торжественным случаям. А иногда и не попадает в такие «обоймы». А что будет дальше? Мы-то, кто знал при жизни, помним его. А будут ли вспоминать те, кто придет после нас? И очень важно – как вспоминать?

Эта книга – не биография Петрова и не мои мемуары, это – дань уважения человеку, которого я любил и который всю жизнь был мне примером, не зная об этом. Мне хочется пройти вместе с Петровым через многие этапы Великой Отечественной войны и ответить для самого себя, для его друзей, а может быть, и для истории на вопросы, возникавшие вокруг тех сложностей, недоговоренностей и, наоборот, наговоров, которые так отягчали жизнь Ивана Ефимовича Петрова.

Я собирал материалы для этой книги больше десяти лет, вспомнил, еще раз обдумал все свои встречи и беседы с Иваном Ефимовичем, прочитал не один десяток книг, в которых упоминается его имя, разыскал многих его друзей – боевых соратников в годы войны и сослуживцев в мирное время, записал их рассказы. Я стремился как можно чаще давать слово в книге этим очевидцам и собеседникам. И еще мне хотелось все рассказанное подкрепить документами.

В общем, это мозаика, сложенная мной из уже известных фактов, неизвестных эпизодов, документов и того, что называется личными наблюдениями и впечатлениями.

В книге будет много цитат, но я пользуюсь ими не как принято в научных трудах, для меня цитаты – такое же изобразительное средство, как в мозаике цветные плиточки.

Мозаика эта – я надеюсь – поможет воссоздать личность Петрова, а также наметить хотя бы контуры времени, эпохи, тех важнейших событий, которые из прапорщика царской армии сформировали (а порой мешали формированию) советского полководца, видного военного деятеля, горячего патриота, беззаветно служившего Родине.

Перед вами жизнь человека, свершившего много славных дел, но допускавшего и ошибки, попадавшего в поле зрения и власти людей благородных – и подлых, страдавшего от общенародных бед – и тех, что послала ему судьба персонально, пережившего радость наших общих побед – и одержанных им лично. Он любил жизнь и людей, и его любили тоже. Но кроме обычной любви, которую дарит жизнь каждому из нас, его еще любили многие тысячи солдат и офицеров, сыны всех республик нашей страны, и особенно среднеазиатских, где личность Петрова по сей день легендарна.

Ничто человеческое ему не было чуждо, но обладал он еще и такими качествами, которые отпущены немногим.

А я, как говорит латинское изречение, *fed, quod potui, faciant meliora potentes* – сделал, что мог, и пусть, кто может, сделает лучше.

В. Карпов

Полководец

В боях за Одессу

Июль 1941 года

Я познакомлю вас с Петровым в первые дни войны. Все, что было в его жизни до этого, вы узнаете из коротких отступлений в прошлое, которые я буду делать по мере надобности.

Хочу в самом же начале обратить внимание читателей на то, что во все периоды боевой деятельности и мирной жизни Ивана Ефимовича Петрова его окружали очень многие достойные люди, происходили важные события, полные не меньшего драматизма, чем те, в которых участвовал Иван Ефимович. Я порой опускаю очень напряженные схватки на соседних участках обороны или не описываю подвиги теперь широко известных героев. Поступаю так не потому, что мне об этом неведомо, и не потому, что намереваюсь заслонить Петровым других. Нет и нет! Постоянное присутствие Петрова на первом плане объясняется только тем, что книга эта – о нем, в поле моего зрения – события, в которых участвовал он. Я не пишу о всей героической эпопее обороны Одессы, Севастополя, Кавказа, задача моя гораздо скромнее и ужé, а именно – воссоздать те эпизоды больших сражений, в которых участвовал и проявлял себя как личность генерал Петров.

Итак, ранним июльским утром пассажирский поезд приближался к Одессе. Светило солнце, навстречу поезду в голубом небе летели легкие белые облака. И совсем некстати для этого теплого солнечного утра гремел впереди какой-то непонятный гром. Бывает, конечно, грибной дождь, который идет и при солнышке, но это слышались не раскаты летней грозы – впереди бомбили Одессу. Поезд приближался к станции медленно, будто крадучись: железнодорожные пути могли быть разрушены.

Пассажиры, высовываясь из окон, вглядывались вперед. Когда стали видны поднимающиеся к небу шлейфы черного дыма и слышен гул самолетов, поезд остановился; самолетам, бомбившим город, ничего не стоило сделать вираж и сбросить свой смертоносный груз и на поезд.

В этом поезде среди других пассажиров ехал генерал-майор Иван Ефимович Петров. Некоторое время назад, еще до начала войны, его вызвали в Москву из Среднеазиатского военного округа, и он получил назначение в Одесский военный округ.

Петров носил на гимнастерке редкие для тех дней три ордена Красного Знамени (один общесоюзный, два других – Туркменской и Бухарской республик) и медаль «20 лет РККА». В дни назначения в Одессу ему сорок пять лет. Был он худощавый, среднего роста, загорелый, мягкие, чуть рыжеватые волосы расчесаны на пробор, португепи через оба плеча, на кавалерийский манер, и при такой типичной командирской внешности – какой-то не строгий, а очень добрый, докторский взгляд из-за стеклышек пенсне.

Бомбежка утихла. Поезд медленно подошел к платформе вокзала. На перроне не было ни души. Еще дымилось несколько пробоин в здании вокзала, валялись обломки стен, кирпича, штукатурки, битое стекло. Никто не вышел навстречу поезду. Пассажиры быстро выбрались из вагонов, опасаясь, что бомбардировщики могут вернуться и продолжить бомбежку. Нагруженные чемоданами и узлами люди торопливо расходились по улицам города.

Генерал Петров в сопровождении двух военных, с которыми он познакомился в дороге, остановился на перроне и стал оглядывать повреждения, причиненные зданию.

– Где же дежурный? Где обслуживающий персонал вокзала? – спросил он, обращаясь к своим спутникам. – Не может быть, чтобы все они погибли.

Разыскали дежурного. Он был растерян, красную фуражку почему-то держал в руке, на расспросы генерала отвечал невпопад. Петров попросил найти начальника вокзала и, когда тот пришел, сказал ему:

– Бомбежка кончилась, жизнь продолжается. Именно в такое напряженное время должен работать телеграф, должно работать справочное бюро, надо объявить по радио людям, меняется ли расписание отправления и прибытия поездов, сказать что делать, успокоить их. В общем, ваш персонал именно в таких трудных и сложных обстоятельствах должен быть на месте, а не разбегаться.

Это был не начальственный разнос, а простой человеческий разговор. Иван Ефимович, сам никогда не терявшийся в сложной обстановке, как бы делился своей выдержкой, своей способностью думать и действовать спокойно.

Петров оставался еще некоторое время на перроне и, только убедившись, что работники вокзала начали выполнять его советы и все теперь сделают и без него, вышел в город.

Жители высыпали на улицы. Отовсюду слышался громкий говор – обсуждали бомбежку. Одесситы вообще народ энергичный, подвижный, они возбужденно говорили о происшедшем, бурно жестикулируя, рассказывали о том, кто что видел, с радостью сообщали, как несколько фашистских бомбардировщиков задымилась, загорелись и упали где-то на окраине Одессы. Оказалось, что разрушений причинено не так уж много. Особенно сильно бомбили вокзал и железнодорожные пути.

Воспоминания. Годы 1939 – 1940

Начиная с сентября 1939 года я видел Петрова почти ежедневно, так как учился в Ташкентском военном пехотном училище имени В.И. Ленина, начальником которого был он, комдив, а после введения генеральских званий – генерал-майор Петров.

Ивана Ефимовича мы видели начиная с утренней зарядки. Нет, он не участвовал в ней и не приходил понаблюдать, как мы ее делали, этим занимались физрук училища и дежурные командиры. Генерал Петров к тому времени, когда мы покидали теплые постели и выбегали на стадион, уже возвращался с конной верховой прогулки. Жена его, Зоя Павловна, заканчивала к возвращению мужа уборку, мыла ступени небольшого крыльца в особнячке, который стоял в тени деревьев у самой проходной в училище. Она была болезненно чистоплотна, порой даже изнуряла этой своей чистоплотностью не только домочадцев, но и всех, кто приходил в дом. Школьником, забегая иногда с Юрой в дом по каким-то нашим мальчишеским делам, я тут же попадал под строгий взгляд Зои Павловны. Так она встречала всех, кто приходил, причем смотрела она не в лицо человека, а на его ноги, на следы, которые он мог оставить на сверкающих чистотой крашенных досках пола.

Иван Ефимович относился к мальчишкам по-доброму, школе нашей всячески помогал. Однажды, когда мы подросли и были в девятом классе (я уже боксом занимался), Иван Ефимович похлопал меня по спине и сказал:

– Крепкий ты, Володя, парень, из тебя может хороший командир получиться. Не думал об этом? А ты подумай.

Я не только думал – мечтал стать курсантом. Тогда очень многие юноши стремились в училища, была не то что мода, а всеобщий порыв влюбленности в военные профессии. Мечтой мальчишек было стать лейтенантом – артиллеристом, танкистом, а особенно летчиком: эти небожители были тогда популярны не меньше, чем в наши дни космонавты.

Военные в те годы пользовались огромным уважением, может быть, народ предчувствовал то лихолетье, в котором людям в военной форме предстояло выполнить труднейшую миссию по защите Родины.

Вспоминается эпизод, вроде бы пустяковый, но теперь, через много лет, я понимаю, что в нем отражались именно любовь и уважение народа к армии. Я ехал в трамвае. И вдруг суматоха в вагоне – поймали воришку и подняли шум! Кричали, что залез в карман. Трамвай мчался, парнишке не выпрыгнуть, не убежать. Распалившиеся дядьки уже поднимали кулаки. Парень кричал, что он не вор, что произошла ошибка! Но его не слушали и, держа в крепких руках, мотали из стороны в сторону. Вдруг он увидел меня: «Дяденьки, вот спросите военного, военный врать не будет!» И все затихли, устремив на меня взгляды, ожидая, что я скажу. Я был рядовой, курсант, всего несколько месяцев как надел военную форму. Впервые в жизни мне предстояло вершить суд, которого с доверием ожидали окружающие. И я, ощущая значительность и право, которыми наделяет меня форма, уверенно сказал: «Отпустите его, он не вор. Не станет вор так переживать, смотрите, он уже весь в слезах. Да к тому же при нем нет и украденного, вы же обыскали его». Парня отпустили. Он потом еще целый квартал шел за мной, благодарил и уверял, что я не ошибся. Я тогда по молодости не придавал значения случившемуся, а теперь вот думаю – как велики были авторитет и уважение к человеку в военной форме. Я сам был ненамного старше того парнишки, но люди послушали меня, никто не возражал. Слова: «Военный врать не будет!» – не вызывали ни у кого сомнений.

Петров был начальником училища с января 1933 года до июня 1940 года. Его любили курсанты и командиры, он пользовался широкой известностью и уважением у народов республик Средней Азии: фамилию «Петров» знали в самых далеких горных или степных кишлаках Туркестана. Эта слава сложилась еще в годы боев, когда он не только ликвидировал всем ненавистных, измучивших грабежами басмачей, но и оказывал всяческую поддержку местным жителям, помогая наладить разоренную войной жизнь. Это запомнилось надолго.

Июль 1941 года

В штабе генерал Петров доложил о прибытии командующему Приморской армией генерал-лейтенанту Никандру Евлампиевичу Чибисову. Командарм, широкий в груди, начинающий полнеть, с черными густыми усами, закрученными вверх, занятый делами частей, ведущих бой на границе, долго не задерживал Петрова, коротко сказал:

– Здесь, в Одессе, формируется кавалерийская дивизия. Принимайте командование и заканчивайте ее формирование. Прошу вас как можно быстрее укомплектовать полки людьми, оружием и конским составом. Очень скоро вы понадобится в боях. С обстановкой ознакомьтесь в оперативном отделе. Да она сейчас вам в деталях пока и не нужна.

Еще в поезде Иван Ефимович много думал о первых неудачных боях на западной границе. Он, как и другие военачальники, был убежден, что Красная Армия будет вести активные действия, что она проучит агрессора боями на его территории, что ни одного вершка своей земли не уступит и достигнет победы малой кровью. И вот происходившее теперь на фронте было полной противоположностью этому. Как-то все это не укладывалось в голове, не верилось, что доктрина, в духе которой и сам он воспитывался, и подчиненных своих учил, вдруг оказалась несостоятельной.

Петров понимал, что гитлеровцы располагают отмобилизованной армией, создали ударные группировки, что на первых порах у нас могут быть и отходы под ударами превосходящих, сосредоточившихся на отдельных направлениях войск противника. Могут быть и глубокие вклинения его на нашу территорию. Но уже пора бить под основание этих клиньев, отрезать их, окружать и уничтожать вторгшегося врага. Однако, судя по сводкам, которые передавались по радио и публиковались в газетах, этот период еще не наступил. Конечно же необхо-

димо некоторое время на то, чтобы отмотилизовать армию, подготовить и выдвинуть к фронту части. И Петров ждал, что вот-вот произойдет перелом. Но вести, которые доходили до него от друзей и сослуживцев, а не только из информационных сводок, очень настораживали.

Начальник оперативного отдела генерал-майор В.Ф. Воробьев, уставший и измотанный, все же старался быть приветливым, попытался даже улыбнуться. Он коротко рассказал про обстановку на фронте:

– Пока, слава богу, удерживаем позиции на государственной границе. В некоторых местах даже переходили в контратаки, но небольшие, местного значения.

– Ну хоть у вас дела неплохи, – вздохнув, сказал Петров. – А то ведь там, севернее, очень и очень неважно.

– Не хочу вас огорчать и выглядеть пессимистом, но долго мы на границе не продержимся: у противника большое превосходство и наши части понесли уже значительные потери. Мне кажется, предстоят неприятности и у нас. Мы бы удержали линию границы, но войска, которые севернее нас, постепенно отходят. И наш правый фланг, таким образом, уже обтекает противник...

Вот с такой ориентировкой, понимая, что дивизия, которую ему поручено формировать, может понадобиться в ближайшие дни, Петров приступил к работе. Дивизия комплектовалась призывниками из Одессы и Одесской области. Они были разных возрастов: парни, которым только пришло время служить, стояли в строю рядом с пожилыми мужчинами, много лет уже числившимися в запасе.

Пришли даже ветераны. Некоторые из них надели буденовки, сохраненные с Гражданской войны.

Под стать бывалым конникам и сам командир дивизии, генерал Петров: по старой кавалерийской традиции он ходил с ремнями через оба плеча, подтянутый, стройный, гибкий, каким и полагается быть кавалеристу.

Вот что писал в одной из статей Иван Ефимович Петров о людях, которые прибывали тогда на формирование дивизии:

«Некоторые считали, что одесситы – это особенный народ, легко поддающийся панике. В действительности это мнение оказалось ошибочным. Слов нет, в Одессе, вероятно, больше, чем в каком-либо другом городе Советского Союза, было нетрудового элемента, немало людей неопределенных, а порой и весьма сомнительных профессий. Вот эти-то группки населения и создавали впечатление об Одессе как об «особенном» городе. На самом деле нетрудовой элемент Одессы по отношению ко всему населению составлял весьма небольшой процент. Как только положение Одессы осложнилось, вся эта «накись» смылась, а основная, здоровая масса трудящихся, проявляя величайший патриотизм и любовь к родному городу, проделала огромную работу по оказанию помощи войскам в укреплении его обороны».

Петров подбирал таких командиров частей, которые знали старые кавалерийские традиции и могли поддержать их. Командиром 5-го кавалерийского полка, который комплектовался в Котовских казармах, был назначен капитан Федор Сергеевич Блинов. Звания «капитан» для командира полка, конечно, было маловато. Но Иван Ефимович учитывал большой опыт Блинова: начинал службу в 1918 году красноармейцем в отряде С.М. Буденного, водил в атаки эскадрон на врангелевском фронте, окончил трехгодичную кавшкolu.

Петров не ошибся в Блинове. Федор Сергеевич храбро бил фашистов под Одессой, был тяжело ранен, его считали погибшим, но судьба позднее вновь свела Блинова с Иваном Ефимовичем. Бывалый офицер написал после войны интересные мемуары, они еще не опубликованы. Недавно мне прислал рукопись журналист Е. Ташма, помогавший ему в литобработке.

Прочитую несколько эпизодов из этой рукописи, связанных с Петровым. Вот как описывает Блинов свою первую встречу с Иваном Ефимовичем:

«Меня направили в кавалерийскую дивизию на должность пом. начальника штаба полка. Дивизия формировалась в Котовских казармах на 2-й станции Б. Фонтана.

В начале июля в дивизию прибыл комдив, генерал-майор И.Е. Петров. Сразу же по прибытии генерал начал знакомиться с командным составом. Вызвали к генералу и меня.

– Помощник начальника штаба полка? – спросил комдив. – А раньше где служили, товарищ капитан?

Я коротко рассказал. Комдив с интересом посмотрел на меня:

– Буденновец? Кстати, очень кстати! – Комдив помолчал и добавил: – Не хватает у нас командных кадров. Придется вам пока «похозяйничать» в полку...

Я смутился: по званию я тогда был только капитаном. И.Е. Петров как будто прочитал мои мысли. Внимательно посмотрел на мои петлицы и добавил:

– Ничего, это дело поправимое, звание командиру полка легче дать, чем командиру найти полк».

При выступлении из Одессы, когда полк был сформирован, на первом же марше Федор Сергеевич порадовал еще и таким поступком. Полк шел маршем по Одессе, наполнив улицу клацанием подков. Прохожие махали красноармейцам, старушки крестили бойцов, а те, кто помоложе, кричали: «Бейте фашистских гадов!» Вот в этот момент, проходя мимо дома, где жил когда-то Пушкин, Блинов дал команду: «Смирно! Равнение на дом Пушкина!» Конечно же подобная почесть не предусматривалась ни уставом, ни каким-либо распоряжением, но старый буденновец этой командой подчеркнул патриотизм и гуманизм Красной Армии, которая ведет сейчас борьбу с фашистами.

Вот что писал в своей рукописи после войны Блинов об этих минутах:

«Растянулся полк – 1300 человек – километра на полтора.

Хвост колонны еще вытягивался из Котовских казарм, а голова уже поравнялась с вокзалом. Мы свернули на Пушкинскую – чистую, прямую, красивую. Солнце окунулось в море, спалал июльский зной, даже каштаньы как будто посвежели.

В предвечернем воздухе пели звонкоголосые бойцы, щемяще брала за сердце старая буденновская песня:

*Ты, конек вороной,
Передай дорогой,
Что я честно погиб за рабочих!..*

По бульжникам цокали копыта наших коней. Мы ехали в живом коридоре. На тротуарах, в окнах, на балконах – всюду были люди, люди, люди. Они кричали:

– Не сдавайте Одессу!

– Смерть фашистам!

И если у одесситов вид нашего полка рождал уверенность, что город есть кому оборонять, то и для нас такие проводы, от сердца идущая любовь к Красной Армии имели огромное моральное значение. Каждый боец давал себе клятву – умереть, но не пустить в город врага.

Еще один перекресток – филармония. И вот полк поравнялся с двухэтажным особняком, где жил Пушкин. Многие из бойцов знали этот дом. И я как-то произвольно скомандовал: «Смирно! Равнение на дом Пушкина!» Подумал: «Вот гордость нашей культуры, которую хотя бы уничтожат фашисты!»

И весь полк провожал глазами святыню, дорогую сердцу каждого советского человека...»

Полк вышел из Одессы и направился в Лузановку, в которой и расположился. Здесь, под прикрытием деревьев, можно было спрятать коней, замаскировать артиллерию и обозы полка.

Кавалеристы с первых дней полюбили комдива Петрова. Он был не только опытный боевой командир, но – самое главное для них – бывалый конник, «лошадник», знающий все тонкости кавалерийского дела.

Наверное, во всех армиях мира существуют кроме официальных личных дел на каждого офицера и генерала еще и своеобразные устные, «фольклорные», досье. Приезжает командир или начальник к новому месту службы, официальная папка с аттестациями и характеристиками еще идет где-то по почте, а в гарнизоне уже знают, кто приехал, что это за человек, каковы его повадки, особенности, недостатки. Разумеется, такие вести приходят об офицере немолодом, который уже встречался с кем-то из попавших в эти места раньше него. Вот так и идет слава – дурная или хорошая, это кто чего заслужил, но идет она впереди офицера.

До назначения в Одессу Иван Ефимович прослужил в армии немало лет, занимал много разных должностей. Но, поскольку слухи и пересуды, пусть даже офицерские, содержат сведения не очень надежные в смысле достоверности, познакомимся с его биографией из более точных – документальных – источников.

...Формируя полки своей дивизии, Петров находился в городе. Однажды ранним вечером, выбрав свободный час, он отправился в порт. Давно его тянуло сюда, к морю, к кораблям, постоянно ощущал он их близость, но дела не отпускали. И вот вырвался.

Он сошел на причал к плещущим волнам. Запах смолы, моря, канатов и рыбы опьянил его, даже голова закружилась. Закрыв глаза, постоял так минуту, еще не понимая, почему чувствует себя счастливым. Понял это, когда в сознании его родилась такая же яркая, как эта вот окружающая явь, другая картина. Там тоже пахло тогда смолой, рыбой, канатами...

Годы 1896 – 1924

Трубчевск – небольшой городок на реке Десне. На шумной пристани Ваня проводил немало времени с ребятами. Отсюда уплывали пароходы и баржи вниз по реке, в большие города: Киев, Одессу и вверх, к северу. Пароходы везли пеньку, канаты, веревки. На пристани пахло смолой и дегтем, всегда было шумно, сновал разный люд – от богатых купцов до воров и бродяг. Уплывающие пароходы сиплыми гудками звали в далекие края, рождали мечты о путешествиях...

В городке тогда было около семи тысяч жителей, основное их занятие – работа на пенько-трепальнях, канатных и маслобойных фабричках. Их в Трубчевске было восемьдесят четыре, а если разделить занятых на них семьсот рабочих, то получится в среднем не более десяти человек на фабричку. Вот таков был промышленный размах Трубчевска тех дней. Конопля, которую выращивали крестьяне губернии, была главным сырьем. Трубчевская пенька считалась лучшей в России. Конопляное семя шло на маслобойни. И еще Трубчевск окружали леса, в городе было налажено производство саней, телег, колес, деревянной посуды и утвари, дегтя и смолы. А на Десне строили лодки и баржи.

Вот в этом Трубчевске – тогда Орловской губернии, теперь Брянской области – 30 сентября 1896 года родился Иван. Отец его, Ефим Петров, был сапожник-кустарь, мать, Евдокия Онуфриевна, – домохозяйка, в семье, кроме Ивана, еще росли две сестры и брат. Нетрудно представить бедность семьи, в которой всего один работник.

Отец умер в 1906 году, когда Ивану исполнилось десять лет.

Мать, неграмотная, занятая поденной работой, постоянно обремененная заботами о еде и одежде для детей, не могла дать им каких-либо знаний. Человеком, оказавшим большое влияние на Ивана, была старшая сестра Татьяна. Она была учительницей, понимала значение образования и сама могла научить многому.

Я много лет был знаком с Татьяной Ефимовной, она работала в библиотеке окружного Дома офицеров в Ташкенте, часто бывала в нашей семье. Пришлось мне провести печальный обряд похорон Татьяны Ефимовны в 1966 году. В то время Ивана Ефимовича уже не было в живых. Татьяна Ефимовна жила одиноко. Умерла она в больнице. В комнате, куда мы вошли после ее кончины за одеждой для похорон, стояли армейская кровать, тумбочка, простой платяной шкаф и несколько стульев.

Скромная в быту, Татьяна Ефимовна была богатой натурой в интеллектуальном отношении, учительницей по призванию. Очень начитанная, она не только много знала, но и умела как-то особенно просто и доходчиво все объяснить и растолковать. Причем получалось это так, будто не она тебе объясняет, а сам ты доходишь до сути того, о чем идет разговор. Я знаю об этом потому, что каждый раз, выбирая в библиотеке книги, получал добрые советы Татьяны Ефимовны, нередко переходившие в долгие, серьезные беседы.

Иван Ефимович во многом был похож на свою первую в жизни наставницу. Доброта к людям, справедливость, оптимизм в любых, самых трудных обстоятельствах, постоянное стремление к расширению знаний, честность и прямота, смелость и умение отвечать за свои поступки, преданность в дружбе, постоянная готовность прийти на помощь человеку в трудных для него обстоятельствах – все эти качества я наблюдал в брате и сестре Петровых на протяжении многих лет.

Иван Ефимович сам не раз говорил, что Татьяна Ефимовна была ему не только сестрой, но и второй матерью. Она и наставляла его, и заботилась о том, чтобы Иван получил хорошее образование. По ее настоянию он поступил в мужскую прогимназию, а в 1913 году – в Карачевскую учительскую семинарию, где учился на земскую стипендию (10 рублей 72 копейки!), которая, как известно, давалась беднейшим из бедных.

Карачев находился недалеко от Трубчевска, в какой-нибудь сотне верст между Орлом и Брянском, но это уже был город с населением около двадцати тысяч жителей. Здесь проходила железная дорога. Кроме пенькопрядильных фабрик были еще и кирпичные и водочные заводы, две больницы на пятьдесят коек, комитет Общества Красного Креста и Вольное пожарное общество. В общем, по нашим современным понятиям, не ахти какой очаг культуры, но для молодого человека, только вступающего в жизнь, город по сравнению с Трубчевском был все же на ступень выше.

В 1914 году началась Первая мировая война. Иван, зная о причинах войны только из газет и разговоров, конечно же был готов «постоять за отечество». Он не имел в то время понятия о существовании другой, революционной, правды, поэтому принимал на веру официальные слова. Да и нетрудно представить, что переживал молодой парень, истомившийся от однообразия провинциальной жизни, читая в царском манифесте о начале войны строки об «исторических заветах России», о «братских чувствах русского народа к славянам», о «чести, достоинстве, целостности России и положении ее среди Великих держав», о «грозном часе испытаний»...

Разумеется, можно предположить, что далеко не все порядки в стране нравились Петрову и он желал бы видеть в родной России многие перемены к лучшему. Наверное, так и было, это подсказывает и его социальное положение, однако это лишь предположение. Взгляды и убеждения человека проявляются в делах, а мы не располагаем данными о том, что Иван Петров искал сближения с революционными кругами. Нет, он, как и полагалось «верному сыну отечества» тех дней, хотел пойти на фронт. Однако в 1914 году он еще не достиг призывного возраста, а в 1916 году, когда этот возраст наступил, Ивану дали отсрочку для окончания учитель-

ской семинарии, потому что по существовавшей тогда системе подготовки офицеров учителя шли на краткосрочный курс юнкерских училищ. Война длилась уже два года, фронт пожирал не только солдат, но и офицеров.

Осенью 1916 года Карачевская семинария выпустила своих питомцев досрочно и тут же разослала их в военные училища. Петров попал в Московское Алексеевское юнкерское училище в январе 1917 года.

Этот период очень важен в формировании не только нравственных, но и политических основ личности Петрова, поэтому попытаюсь коротко осветить те факты, которые, несомненно, оказали на него влияние.

Петров приехал в Москву накануне Февральской революции. Не успел он осмотреться, понять смысл происходящих событий, как в Петрограде было сформировано Временное правительство. Царь отрекся от престола. Поступали различные распоряжения от Временного правительства, но фактической власти у него не было.

В Москве 1 марта рабочие отряды и революционные части гарнизона заняли Почту, Телеграф, Телефон, Государственный банк, полицейские участки, Кремль, Арсенал, освободили политических заключенных. Москва оказалась в руках восставших.

В Алексеевском юнкерском училище командование придерживалось распоряжений официальной власти, то есть Временного правительства. Но была уже и другая, революционная власть. Важным документом ее, на основе которого началась перестройка порядков в армейской среде, был приказ № 1, он был издан для Петроградского округа, но им руководствовались всюду, где он стал известен. Этот приказ имел конечно же большое значение и для Ивана Ефимовича Петрова, на долгие годы вступавшего на военную стезю. Приведу его целиком, потому что из него хорошо видна и обстановка, в которую попал молодой юнкер, и круг проблем, которые встали перед ним лично.

«Приказ № 1

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского округа. Всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитет из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих и солдатских депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими поль-

зуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяются.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: «господин генерал», «господин полковник» и т. д.

Грубое отношение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на «ты» воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов. Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов».

В Москве Петров пробыл всего пять месяцев. 1 июня 1917 года он был выпущен из училища прапорщиком и назначен в 156-й пехотный запасный полк в город Астрахань. В царской армии звание «прапорщик» было офицерское.

Служба на новом месте началась у Петрова неудачно. Видно, после московских полугодных пайков молодой прапорщик обрадовался обилию овощей и фруктов на астраханском базаре, за что и поплатился в том же июне, заболев дизентерией. Он проболел полтора месяца и настолько исхудал и обессилел, что ему дали для поправки здоровья отпуск на два месяца.

Петров поехал в Трубчевск, отдохнул в родном доме, рассказал матери и сестрам о своих мытарствах. По возвращении в Астрахань он все же был уволен из армии по состоянию здоровья и опять вернулся домой.

Свершилась Октябрьская революция. Страна бурлила, все пришло в движение, не всегда прямолинейное. Людям, не имевшим установившихся политических взглядов, четкого представления о совершающихся событиях, трудно было определить, куда податься, к кому прикнуться. Все партии вроде бы ратовали за хорошую жизнь, за благополучие и процветание отечества. А кто прав, чей путь борьбы по-настоящему справедлив? Это понять в вихре событий было не так-то просто.

Одним из тех, кто решал для себя этот сложный вопрос, был Иван Петров. «Имея общее представление о политической жизни страны, многое не понимал и, в частности, в период Октябрьского переворота, вернее в период заключения мира с немцами, я был против мира, – писал позднее Иван Ефимович в автобиографии. – Но нигде никогда ни в какие организации, враждебные Советской власти, не вступал и никакого общения с таковыми не имел».

Когда в 1918 году в результате срыва переговоров в Брест-Литовске кайзеровские войска перешли в наступление и фронт стал приближаться к Трубчевску, Петрову было ясно только одно – надо защищать Родину. Он решил немедленно вернуться в свой полк в Астрахань, где, по его предположению, должны были формироваться части для отпора врагу.

По дороге в Астрахань Петров встретил в Сызрани сослуживцев по полку. Теперь эти его товарищи служили в Красной Армии. Они рассказали ему о делах в тылу и на фронте, о тех изменениях, которые произошли в их личных убеждениях. Взвесив все, Петров тоже решил добровольно вступить в Красную Армию и вместе с друзьями отправился в Самару.

Именно здесь, в рядах Красной Армии, в общении с народом, поднявшимся на защиту Советов, в беседах с друзьями, лучше него разобравшимися в том, что происходит в мире, бывший прапорщик Петров вдруг обнаружил, что дело преобразования России, которое вершат большевики, настолько ему близко и настолько желанно, что является и его личным стремлением, он думал о таких преобразованиях, мечтал о них и просто раньше не мог так четко и ясно сформулировать свои мысли. Сделав это открытие, Петров в первый же месяц службы в Красной Армии вступает в партию большевиков. В мае того же 1918 года он уже как убежденный коммунист подавлял в Самаре восстание анархистов. Затем в составе 1-го самарского комму-

нистического отряда дрался с мятежниками-белочехами под Сызранью, Самарой, Мелекесом, Симбирском.

Так прапорщик царской армии нашел свое настоящее призвание, став командиром Красной Армии.

После подавления чехословацкого мятежа в 1919 году Петров воевал с уральскими белоказаками. Белоказак был хорошо, а вот сам попал в плен к молодой казачке – Зое Павловне Ефтифеевой. Полюбил ее, женился. Тут целый роман можно было бы написать, потому что у молодой жены отец и два брата служили у белых. И, может быть, новый их родственник не раз сшибался с ними в сабельных атаках.

В 1920 году Петров воевал с белополяками на Западном фронте. А в мае 1922 года 11-я кавалерийская дивизия, в которой он служил, была переброшена в Туркестан для борьбы с басмачеством. В 1924 году родился у Петровых сын Юрий, мой будущий школьный товарищ.

Каким был Петров в те годы, хорошо видно из письма его родственницы, которое я привожу полностью:

«Уважаемый Владимир Васильевич!

Я старшая племянница Ивана Ефимовича, дочь его сестры Анны... Низкий поклон Вашей семье за то, что похоронили нашу незабвенную тетю Аню, которая всем нам была второй матерью.

Дядю я помню начиная с гражданской войны – когда он, командир эскадрона, в составе Конной армии С.М. Буденного воевал с белополяками. Наша мама учительствовала и заведовала сельской школой в Белоруссии. С нами жила и бабушка Евдокия Онуфриевна (мать И.Е. Петрова. – В.К.), а в 1919 году приехала к нам жить и Зоя Павловна – тетя Зоя.

В этот период (в течение трех лет) дядя использовал малейшую возможность бывать у нас. В буденовке, в шинели до пят, шинель и гимнастерка с «разговорами», он казался нам былинным богатырем. В школе после революции стало восемь учителей, и все молодежь (в том числе и Зоя Павловна). По натуре он был очень общительный и веселый. С его приездом все оживало, искрилось весельем – все вертелось колесом. (Вот таким был и Юра!) Неиссякаемый на выдумки, шутки и остроумные розыгрыши, дядя Ваня неплохо пел, отлично танцевал, играл на гитаре и мандолине. У моей мамы тоже был хороший голос – каждый вечер импровизированные концерты, на которые сходилась молодежь двух деревень. Таким был дядя в молодости.

В 1929 году нашего отца, учителя, организатора первого колхоза, убили кулаки... Мама осталась с нами четырем (мне – 14 лет, Гале – 10, Вере – 7, Володе – 2,5 года) и бабушкой. С первых же дней Иван Ефимович помогал нам чем только мог и морально и материально, во многом заменил отца, каждый отпуск бывали они у нас с тетей Зоей и Юрой! Бывали и мы у них в Ашхабаде, Душанбе и Ташкенте. Несколько лет в нашей семье жил и учился Юра. Почему? Да просто дядя Ваня хотел, чтобы Юра не рос баловнем, чтобы знал нужду, привыкал к работе. Мама, опытный педагог, и домашний наш воспитатель – бабушка вырастили нас работающими, честными людьми. Для всех нас Юра был не двоюродный, а родной брат. Не могу без слез писать – самых наших дорогих маленьких братиков нет в живых, честно и храбро воевали, не щадя своих жизней.

Несмотря на огромную занятость, дядя находил время писать частые, подробные письма, а если от мамы поступал сигнал, что кому-то из нас надо его авторитетное слово, то писал тому, кого это касалось. Письма никогда не были нравоучительными, дядя как бы обсуждал возникшую проблему. Тактично высказывал свое мнение и советы, жаль, что во время войны переписка не сохранилась.

Владимир Васильевич, не могу не вспомнить про нашу бабушку – Евдокию Онуфриевну – мать Ивана Ефимовича. Дядя был на нее очень похож внешне, да, вероятно, и во всем осталь-

ном. Бабушка была совершенно неграмотная, но природный ум, колоссальная работоспособность заменили ей образование. Это была мудрейшая женщина – мать и бабушка, друг и товарищ молодежи. Моя мама преподавала в две смены русский язык и литературу, дома гора тетрадей, и все же при помощи бабушки и тети Тани всему нас научили, дали высшее образование. Бабушка на копейки поденщицы дала образование своим детям! С нею можно было делиться всем – встретить понимание, умный совет, сочувствие и помощь. Была бабушка и требовательна к себе и ко всем нам...

Мы имели право на личные дела тратить не более двух часов в день. У каждого были свои обязанности в семье, Евдокия Онуфриевна следила, чтобы выполнялось все хорошо, а не «лишь бы с рук долой» (это ее выражение). На всякий случай жизни у нее были мудрейшие народные поговорки. Начинается год, бабушка вечером посидит часок сосредоточенно и выложит на год вперед, когда новолуние, когда «полная луна», сколько недель поста и когда какой праздник...

Выйдет, посмотрит на «молодичок» в новолунье – и прогноз погоды на месяц. После революции аптечных лекарств не было. Бабушка собирала травы и успешно лечила нас да и многих соседей. Я даже сейчас применяю многие бабушкины рецепты для детей и внуков. Любую невзгodu она переносила мужественно и спокойно, с величайшим самообладанием! У дяди эта черта от нее, да и мы бы были другие, если бы не бабушкино воспитание. Вот такая мать Ивана Ефимовича, вот такая наша бабушка была...

8 августа 1982 г.

Днепропетровск

Екатерина Трофимовна

Маслова».

Июль 1941 года

Итак, Петров в Одессе формирует полки своей новой кавалерийской дивизии.

По служебным делам ему часто приходилось бывать в штабе армии. Здесь в те дни Иван Ефимович познакомился с человеком, который надолго вошел в его жизнь близким другом. Это был полковник Николай Иванович Крылов, он работал тогда заместителем начальника оперативного отдела Приморской армии. Вот что писал Крылов, уже став маршалом, в своих воспоминаниях «Не померкнет никогда» о первой встрече с Петровым:

«Генерал Петров ходил в кавалерийской португее и в пенсне, которое иногда, в минуты волнения, вздрагивало от произвольных движений головы – следствие, как я узнал потом, давнишней контузии. В его облике, своеобразном и запоминающемся, в манере держаться сочетались черты прирожденного военного и интеллигента, что, впрочем, было характерно не только для внешности Петрова.

А вообще Иван Ефимович принадлежал к людям, сразу располагающим к себе, внушающим не просто уважение, но и чувство симпатии, приязни».

Иван Ефимович и сам мог буквально с нескольких фраз понять, оценить человека, разглядеть одаренность или ограниченность собеседника, его честность или же скрытность, прочные знания в военном деле или же стремление «свою образованность показать».

Крылов, крепкий, коренастый, с крупными чертами типично русского лица, располагающий к себе простотой обращения и готовностью помочь, понравился Петрову с первой же беседы. Вдумчивый, широко эрудированный в военных вопросах, объективно оценивающий создавшуюся обстановку на данном участке фронта и в стране в целом, Крылов в этой беседе говорил и держался непринужденно. Однако непринужденность его проявлялась только в сво-

бодной манере суждения. Как профессиональный военный, он конечно же не позволял никакой фамильярности в разговоре с Петровым – не потому, что мало его знал, а просто потому, что подобное отношение даже к близко знакомым людям ему было несвойственно. Крылов был простым человеком в самом высоком значении этого слова, но не простачком.

Однажды вечером, когда в штабе было затишье, они поговорили подробнее обычного.

Иван Ефимович попросил рассказать, как начались боевые действия здесь, на юге, и в силу каких причин они тут сложились более или менее удачно.

Николай Иванович сказал следующее:

– Причиной, на мой взгляд, является то, что перед нападением фашистов мы успели здесь кое-что сделать. Особенно мне хочется подчеркнуть в этом отношении настойчивость начальника штаба Одесского военного округа генерал-майора Захарова. Матвей Васильевич оценивал обстановку правильнее, чем другие, поэтому в последние предвоенные дни делал все, чтобы встретить фашистов в полной боевой готовности. Он лично докладывал в Генеральный штаб о том, что в непосредственной близости от государственной границы появляются все новые и новые части. Шестого июня тысяча девятьсот сорок первого года Захаров говорил с начальником Генерального штаба и убедил его в том, что необходимо срочно перебросить Сорок восьмой стрелковый корпус, которым командовал Малиновский, поближе к границе. В двадцатых числах июня намечалась полевая поездка штаба округа со средствами связи. Опять-таки чувствуя, что обстановка уж очень накалилась, Захаров стал убеждать командующего округом генерала Черевиченко, чтобы он не отрывал штаб от войск и отменил эту поездку. Черевиченко, человек дисциплинированный, не хотел нарушать ранее утвержденный план наркома обороны и колебался. Генерал Захаров понимал: тут уже нельзя заботиться о добрых взаимоотношениях, и официально заявил командующему, что просит доложить наркому его соображения. Черевиченко доложил, и маршал Тимошенко ответил, что он согласен с мнением начальника штаба округа. Получив поддержку со стороны наркома обороны и поняв, что у него такая же настороженность, Захаров предложил командующему округом в порядке проверки плана мобилизационной готовности поднять армейское управление и развернуть его в Тирасполе. Теперь, после разговора с Тимошенко, командующий уже не возражал, а поддержал предложение Захарова. Буквально накануне нападения гитлеровцев армейское управление прибыло в Тирасполь, успело развернуться там и приготовиться к работе. Захаров взял на себя большую ответственность еще за одно дело. Вы ведь знаете, Иван Ефимович, как перед войной нас всех строго предупреждали: не поддаваться на провокации, не давать никаких поводов противнику думать, что мы готовимся к боевым действиям. И вот в этой обстановке Матвей Васильевич не побоялся и отдал распоряжение штабам и войскам подняться по боевой тревоге, выйти из населенных пунктов и занять районы, предусмотренные мобилизационным планом.

Во время первого массированного налета гитлеровской авиации казармы, в которых обычно располагались эти части, были полностью разгромлены, и будь в них наши дивизии, они понесли бы огромные потери. А дивизии оказались на границе! Они уверенно и организованно отразили нападение врага...

Для читателей, не осведомленных в делах военных, хочу сообщить – речь здесь идет о том самом Матвее Васильевиче Захарове, который в годы войны стал одним из крупных военачальников, а после войны, будучи Маршалом Советского Союза, возглавлял с 1960 по 1971 год (с перерывом) мозг нашей армии – Генеральный штаб. Несомненно, это одна из высоких и почетных должностей, на которую назначается наиболее достойный, талантливый и образованный генерал или маршал. Но есть еще одна должность в Вооруженных Силах, о назначении на нее не пишут в газетах и вообще стремятся много не говорить об этой тонкой и деликатной службе, руководство которой доверяют военачальникам, обладающим не только сильным, смелым умом, но еще и таким качеством, которое стоит даже выше понятия «очень умный, находчивый, смелый». Я имею в виду разведывательное управление. Так вот, Матвей Васильевич

Захаров некоторое время возглавлял эту сложную службу. Мне довелось не раз встречаться с Захаровым и быть свидетелем его мудрости. То неофициальное, «фольклорное», досье на офицеров и генералов, о котором я говорил выше, у Захарова, наверное, одно из самых добродетельных: он пользовался у сослуживцев и во всей армии очень большим уважением.

Вернемся к разговору между Крыловым и Петровым. Крылов продолжил свой рассказ:

– Захаров приказал установить связь с пограничными частями и осуществить вывод войск тоже в соответствии с имевшимся планом прикрытия границы. – Полковник усмехнулся, вспомнив любопытный эпизод. – Произошел у генерала Захарова очень напряженный разговор с командующим военно-воздушными силами округа генералом Ф.Г. Мичугиным. Захаров приказал ему рассредоточить самолеты на запасных полевых аэродромах, убрав их с основных. Командующий ВВС понимал, конечно, что это очень серьезное распоряжение, и несколько недоверчиво отнесся к приказанию начальника штаба. Подумав, он даже сказал: «Прошу письменного распоряжения на такую серьезную передислокацию». Матвей Васильевич тоже задумался. Непросто, конечно, было ему тогда принять на себя такую большую ответственность за такое решение, как полная передислокация всех военно-воздушных сил округа. И все же он написал письменный приказ и вручил его командующему ВВС. Генерал Мичугин выполнил это приказание. Самолеты перелетели на полевые аэродромы. И вот, пожалуйста, результат! Авиация Одесского военного округа не понесла больших потерь от внезапной бомбежки фашистов! Бомбовым ударам подверглись основные аэродромы, те, которые были засечены гитлеровцами прежде. И бомбы, таким образом, были сброшены на пустые аэродромы. Всего три самолета пострадало от этой первой внезапной бомбардировки! А наша авиация встретила эти налеты организованно. И в первый же день было сбито двадцать самолетов врага.

Я получил несколько писем (после журнальной публикации этой повести), упрекающих меня в переоценке Захарова, обидной пассивности Я.Т. Черевиченко и еще в том, что Захаров не мог так действовать без ведома командующего округом. Чтобы снять подобные замечания, сообщаю по этому поводу слова самого генерал-полковника Якова Тимофеевича Черевиченко: «М.В. Захаров проявил исключительную оперативность и инициативу. Еще до моего приказа, узнав от командования Черноморского флота о надвигающейся опасности, он одновременно с отдачей распоряжения о повышенной боевой готовности командующему ВВС округа генерал-майору Ф.Г. Мичугину приказал командирам корпусов вывести войска по боевой тревоге из населенных пунктов. Частям прикрытия был отдан приказ занять свои районы и установить связь с пограничными отрядами. Все это обеспечило организованное поведение частей и соединений Одесского военного округа в развернувшихся затем событиях».

– Наши части, – продолжил Крылов, – не только удержали государственную границу, но и сами предпринимали активные действия. Двадцать третьего июня моряки Дунайской флотилии совместно с бойцами Двести восемьдесят седьмого полка Пятьдесят первой Перекопской дивизии высадились на мыс Сату-Ноу и с помощью роты пограничников разгромили там более батальона противника и захватили много пленных и артиллерию, которая обстреливала Измаил. Двадцать шестого июня пограничники и подразделения Пятьдесят первой Перекопской дивизии, тоже с помощью бронекатеров флотилии, высадились на правый берег Дуная и захватили населенный пункт Килия-Веке. – Крылов повернул стул к карте, висевшей на стене, и показал, где находится этот румынский городок, а потом, продолжая рассказ, уже по привычке указывал на карте места, о которых вел речь. – В общем, до конца июля мы удерживали плацдарм шириной семьдесят шесть километров до устья Дуная сюда, на север. Но там, севернее, бои развивались менее благоприятно. Некоторое время наши части и там тоже удерживали границу, но потом гитлеровцы, сосредоточив большие силы на узком участке фронта, вклинились в стык между Четырнадцатым и Тридцать пятым стрелковыми корпусами. Вот здесь они переправились, захватили плацдарм на восточном берегу Прута и стали его расширять.

Вскоре уже переправили сюда больше трех дивизий. Так что самая большая опасность, на мой взгляд, сейчас там. Если мы успеем ликвидировать этот плацдарм и не дадим возможности противнику расширять свое наступление дальше, то удержим границу. Если нет, то это вклиннение чревато большими неприятностями. Ну еще, конечно, очень жалко, что забрали от нас генерала Захарова. Пришел приказ, и он уехал на север, его назначили начальником штаба Северо-Западного направления. Главнокомандующий там Климент Ефремович Ворошилов. И не только Матвей Васильевич, говорят, а и командующий нашей армией генерал-лейтенант Чибисов тоже скоро должен уехать, и приедет новый. Я понимаю, это вынужденные перемещения, но все-таки в ходе боев менять несколько руководящих генералов, мне кажется, не очень то полезно для дела...

В этой беседе Крылов привел образное сравнение, которое можно считать символическим выражением принципа организации активной обороны:

– Представим, что Геркулес заслонил собой стену, которую ему поручено защищать. Заслонил – и стоит. А его обступили, бросают в него камни. Чем это кончится, если Геркулес будет только прикрывать стену, не нападая на врагов сам? Очевидно, тем, что рано или поздно какой-то камень угодит ему в лоб... Не таково ли в общих чертах наше положение под Одессой? Пассивность в обороне всегда бесперспективна, а в наших условиях – просто гибельна.

– Про Геркулеса это вы очень верно, – задумчиво произнес Иван Ефимович. – Так действовать нам нельзя. (Позднее, в дни боев не только за Одессу, но и за Севастополь, Петров не раз напоминал Крылову это сравнение.)

В конце беседы Иван Ефимович расспросил Крылова о его прежней службе.

– Я получил назначение в Одесский округ не так давно, служил раньше на Дальнем Востоке, потом в Северо-Кавказском военном округе. – Лицо Николая Ивановича стало грустным. – Только приехала семья – двадцатого июня они приехали: жена, двое сыновей и дочка, – на вторую же ночь меня уже вызвали по тревоге. Я видел их в последний раз, когда погружались в машину с другими детьми и женами командиров. Их увезли куда-то на восток. Я с ними на ходу попрощался и пока не знаю, где они находятся.

Вскоре после этого разговора, 31 июля, в Одессу приехал новый командующий Приморской армией генерал-лейтенант Георгий Павлович Софронов. Принимая войска от Чибисова, Софронов знакомился с частями, с дислокацией, обстановкой. Он объезжал расположение войск и в один из дней встретился с генералом Петровым. Было в их судьбе общее: ведь Софронов тоже вышел из прапорщиков Первой мировой войны. Да и в дальнейшем их жизненные пути были в чем-то похожи. Может, поэтому, закончив дела и оставшись поужинать у Ивана Ефимовича, Софронов доверительно рассказал Петрову о так внезапно состоявшемся назначении сюда, на юг.

– Я был заместителем командующего войсками Северо-Западного фронта. И вдруг неожиданный вызов к начальнику Генерального штаба генералу армии Георгию Константиновичу Жукову. Ну, прибыл я, и Жуков сразу, без околичностей, сказал о моем назначении командующим Приморской армией. Я рассказал ему, что места эти для меня не новые. В Первую мировую я служил здесь прапорщиком Суджанского полка, на Румынском фронте. А в дни Февральской революции здесь же был избран членом полкового комитета – в большевистскую партию я вступил еще в тысяча девятьсот двенадцатом году. В восемнадцатом году я возглавлял Белградский отряд революционных солдат, который помог восставшим одесским рабочим разгромить гайдамаков и установить советскую власть в Одессе. Жуков сказал, что это, безусловно, поможет мне в работе. В общем, вопрос о моем назначении сюда был решен заранее. Георгий Константинович коротко ввел меня в обстановку, сказал, что Приморская армия в составе трех стрелковых дивизий выделена из Девятой армии, что в нее войдет пять-шесть дивизий. Как сложатся события, предсказать трудно, но следует готовиться к обороне Одессы в окружении. И если это случится, надо будет, взаимодействуя с Черномор-

ским флотом, приковать к себе как можно больше сил противника. А когда создадутся для Красной Армии возможности для перехода в контрнаступление, Приморская армия отсюда, из тыла, может успешно содействовать этому наступлению, используя свое фланговое положение по отношению к противнику. Потом я прибыл в штаб главкома Юго-Западного направления Семена Михайловича Буденного. Представился. Да он меня знал еще и раньше. Маршал сказал: «Поскорей принимайтесь за Приморскую армию. Я думаю, что вам даже не следует к командующему фронтом Тюленеву заезжать. Езжайте прямо в Одессу». И вот я здесь. К сожалению, обнаружил, что состав Приморской армии совсем не тот, о котором говорил Жуков. Как вы знаете, Иван Ефимович, у нас здесь остались Двадцать пятая Чапаевская дивизия, Девяносто пятая стрелковая дивизия, а Пятьдесят первую вчера штаб фронта забрал в свой резерв. Ну вот теперь еще сформируем вашу кавалерийскую дивизию. Я на нее возлагаю большие надежды по прикрытию правого фланга. Немцы уже вбили солидный клин между нашей армией и правофланговыми частями. Чем этот прорыв прикрывать? Теперь нам надо удержать противника хотя бы на Днестре. Но чем держать? Войск очень мало. И командующий фронтом в ближайшее время ничего не обещает. Надо, не откладывая, готовить оборонительные рубежи непосредственно для защиты Одессы. Пока части будут сдерживать противника на Днестре и в оборонительных боях, можно успеть доделать эти рубежи. Мне Чибисов говорил, что они в основном уже намечены, работы идут, но надо как можно быстрее завершить их оборудование. На всякий случай сообщаю вам, Иван Ефимович, что мой запасной командный пункт армии будет в Чебанке, под Одессой.

Софронов уехал от Петрова неотдохнувший, заботы и трудности одолевали его днем и ночью.

О наших неудачах в летние и осенние месяцы 1941 года написано немало.

Иван Ефимович имел свое мнение по поводу первых сражений нашей армии. Это мнение мне стало известно не в пересказе, а от него самого. Вот как это было.

Воспоминания. Год 1945

В сентябре 1945 года генерал армии Петров был назначен командующим Туркестанским военным округом. У других военачальников этот округ и эти края не вызвали радости при назначении – жара, отдаленность, безводные пустыни, горы, только Каракумы и Памир чего стоят! А Иван Ефимович воспринял назначение в ТуркВО с радостью, это были места его молодости, он знал каждую тропку, знал и уважал многих людей. Здесь жили постоянно его мать, сестра, много близких друзей.

В конце сентября Петров прибыл в Ташкент и поселился в небольшом особняке на улице Пушкина. В этом доме по традиции жили все командующие.

Тогда я приехал в отпуск к родителям. В 1945 году я был слушателем Военной академии имени М.В. Фрунзе – и вот приехал на отдых. Узнав о том, что Петров в Ташкенте, я решил его навестить. Пришел к его дому и остановился в нерешительности. Примет ли он меня? Помнит ли? Прошла такая война, он теперь генерал армии, командующий округом, а я всего лишь капитан.

Но все же я подошел к солдату, который охранял дом и стоял во дворе за калиткой. Спросил:

– Дома ли командующий?

– Здесь.

– А ты не мог бы ему доложить, что бывший его курсант, капитан Карпов, просит принять.

Солдат с уважением поглядел на мою Золотую Звезду, видимо, она и стала решающим аргументом.

– Попробую. Хоть и не мое это дело. Я – пост.

Мне не хотелось подводить солдата, действительно ему влетит. И я спросил:

– А может быть, я сам пройду?

– Нет, пустить вас я не могу, товарищ капитан. А вот там на крылечке есть кнопочка, вы позвоните.

Я поднялся на крыльцо и нажал белую кнопку. За дверью послышались шаги. Открывается тяжелая створка двери, и передо мной стоит сам Иван Ефимович – в брюках навыпуск, в тапочках и в пижамной куртке. Он внимательно смотрит на меня, улыбается, и я с радостью чувствую – узнал! А Иван Ефимович все улыбается и разглядывает меня. Наконец начинает говорить, как бы фиксируя то, что видит:

– Капитан. Герой. Вся грудь в орденах. И главное – жив! Молодец! Ну, Володя, дай я тебя поцелую.

Здесь же, на крыльце, Иван Ефимович целует меня трижды, по-русски. Мельком я вижу расплывающееся в улыбке лицо солдата охраны. Иван Ефимович взмахнул рукой в сторону открытой двери и пригласил:

– Входи. Ты даже не подозреваешь, как ты вовремя пришел!

Входим в дом. Он еще необжитой. Мебель не расставлена. Связки книг не развязаны. Ящики нагромождены в углу горкой. В просторной столовой длинный стол. На столе нет ни скатерти, ни посуды, стоит одна огромная круглая коробка с тортом. Иван Ефимович поясняет:

– Я только приехал, Зоя Павловна и Юра еще в Москве. Я здесь один. И вот, понимаешь, совпадение: у меня сегодня день рождения, мне стукнуло сорок девять! Никто не знает об этом. А какой-то чудака вспомнил и вот этот торт прислал. Недавно принесли. Ты сладкое любишь? Сейчас мы с ним разделаемся. Есть у меня и горькое. Будем праздновать мой день рождения. Очень ты кстати появился. Нестеренко!

Из соседней комнаты прибежал сержант.

– Ну-ка посмотри там наши запасы. Неси на стол бутылки и закуски какая есть.

Я был словно во сне. Иван Ефимович говорил со мной не только как со старым приятелем, но и как с равным. А я, понимая, что ни тем, ни другим не являюсь, думал: не в тягость ли я ему в такой день? Наверное, придут гости. Какие-то генералы. Не может быть, чтобы они день рождения командующего прохлопали!

Но Иван Ефимович радушно улыбался и по-хозяйски распоряжался, накрывая стол:

– Расстегни китель. Жарко.

Вошел сержант, в руках его целая гроздь бутылок:

– Товарищ генерал, не разбираю я, шо тут хороше, а шо плохе. Не по-нашему на них написано.

– Ладно, ставь сюда, разберемся!

Когда сели за стол, я поздравил Ивана Ефимовича с днем рождения, пожелал ему, как полагается, здоровья и успехов в работе. Поговорили о делах житейских, а потом он сказал:

– Ты правильно сделал, что пошел учиться в академию. Я Юре тоже советую – надо обязательно обобщить, осмыслить опыт войны, подвести под него теоретическую базу. Тогда вам как офицерам цены не будет! Многие командиры моего поколения, по сути дела, были практики. Гражданская война – наша главная школа. Всевозможные курсы усовершенствования да учеба в частях – вот наши академии. Не многим посчастливилось получить фундаментальное образование. А в будущем без него нельзя. Все совершенствуется – люди, оружие, военное искусство. В будущей войне времени на раскачку, на исправление ошибок не будет. Исход ее решится сразу, в первых же сражениях. Отойти к Волге и вновь вернуться к границе уже не получится.

Иван Ефимович задумался, потом сказал:

– Да и в этой войне можно было не допустить такого глубокого вторжения в нашу страну. Стратегию молниеносной войны, сосредоточение больших сил на узких участках, глубокое вклинивание, в основном вдоль дорог, – все это гитлеровцы показали в боях с Польшей и Францией. Это все видели и знали. Вот и надо было готовить армию к таким боям. Учить отрезать эти клинья! Не отступать между дорогами, по которым мчались танковые и механизированные части фашистов, а бить их с фланга. Отсекать от тылов. А у нас целые армии тянулись назад, пытались создать новый сплошной фронт. Почему? Потому, что не знали тактику врага. Вернее, знали, но не воспользовались этим. А надо было учить наших командиров и войска на опыте боев в Европе, и они тогда, не боясь окружения, спокойно лишали бы горячего ушедшие вперед части противника. Наступательный порыв выдохся бы! Кроме этого надо было бы создать глубоко эшелонированную оборону. Вывести войска в поле. Окопаться, подготовить инженерные заграждения, минные поля. Вот на Курской дуге создали прекрасную глубокую оборону, и гитлеровцы сломали об нее зубы, а мы погнали их в шею! Да и наш одесский и севастопольский опыт показал – против хорошей обороны гитлеровцы ничего не могли сделать, даже имея превосходство в силах. Будь у нас боеприпасы и нормальное снабжение, не видать бы фашистам ни Севастополя, ни Одессы. Фашистов дальше Днепра можно было не пустить. Упустили эту возможность. Победа в войне готовится в мирное время. В конечном счете мы победили. В тысяча девятьсот сорок первом году я даже в нашей доктрине засомневался! Помнишь, как ее сформулировал Сталин? Мы чужой земли не хотим, но и своей земли ни вершка не отдадим никому. И еще – воевать, если придется, будем сразу на территории противника, добьемся победы малой кровью, и нам помогут братья по классу в тылу врага. В сорок первом при отступлении все это казалось несостоявшимся. Но правильность доктрины проверяется ходом всей войны и окончательным результатом. И вот, если посмотреть с этих позиций, что ж – мы завершили бои на территории противника, пол-Европы прошли; братья по классу, прогрессивные силы и все, кто ненавидел фашизм, нам тоже помогли; ни вершка своей земли мы не уступили. Вот только насчет «сразу» и насчет «малой кровью» не сбылось: война шла долго и на нашей территории и крови и жертв было много. Слишком много! В общем, как это ни горько, как это ни неприятно, а ради того, чтобы подобные беды не повторились, надо признавать свои ошибки и делать из них соответствующие выводы.

Сегодня об уроках войны написано много, они подробно анализируются в академиях при изучении тактики и оперативного искусства. Но надо учесть – Петров говорил об этом одним из первых, сразу после окончания войны. Это его мнение не всем нравилось, потому что недостатки и упущения, ставшие причиной наших неудач в 1941 году, были на совести людей, занимавших тогда высокие посты.

В тот вечер говорили мы и о многом другом. Часов в девять генерал вызвал машину и поехал со мной навестить моих родителей. Он посидел с моими отцом и матерью, попил чаю, хотел послать водителя за остатками торта, но мама сама напекла очень много ради моего приезда и Ивану Ефимовичу, как «одинокому», без семьи, завернула в узелок разных пампушек. Вот тут я еще раз поразился памяти Ивана Ефимовича. Благодаря маму за печеное, он вдруг сказал:

– Доброе у вас сердце, Лидия Логиновна, мне вот, как «одинокому», пирогами спешите помочь. А я знаю, моя мать рассказывала, как во время войны вы не забывали ее и тоже помогли старушке. Спасибо вам!

Вот и такое он, оказывается, знал и помнил. А дело было так. Я приехал после ранения в короткий, десятидневный отпуск, во время которого навестил мать Ивана Ефимовича. Она жила на территории военного училища в светлой чистой комнате с небольшой верандой. Когда я расспросил, как она живет, Евдокия Онуфриевна сказала:

– Все хорошо, мне помогают, обеды дают из курсантской столовой. – Потом, помолчав, добавила: – Стара я. Пища бойцов груба для меня. Кашки хочется. А сварить не из чего.

Возвратясь домой, я рассказал об этом своей матери. Времена были тяжелые, все получали продукты по карточкам. И вот мать принесла какие-то белые полотняные мешочки. Это оказался ее НЗ. Мать развязала мешочки, отсыпала половину – с килограмм риса, столько же манки – и сказала: «Отнеси Евдокии Онуфриевне, будет возможность, я ей еще дам».

Вот об этом, оказывается, знал и помнил Иван Ефимович. И еще одну фразу его матери вспоминаю, даже не фразу, а заветное желание. Она ее и другим конечно же говорила;

– Я до конца войны не помру. Победы дождусь. На Ваню погляжу обязательно. А потом уже можно и в путь собираться. Очень мне хочется, чтобы Ваня похоронил меня с духовым оркестром. И чтоб отпевали. Я ведь верующая.

Все сбылось, как она хотела.

Евдокию Онуфриевну хоронили с оркестром. Было много венков. Иван Ефимович через весь город шел за гробом матери пешком. На ташкентском кладбище, недалеко от церкви, теперь две могилы: матери Петрова и рядом его сына – Юры. Он трагически погиб в 1948 году в Ашхабаде, но не во время землетрясения, а как офицер, прибывший туда на помощь. Об этом я расскажу подробнее, когда дойду до тех лет.

Июль 1941 года

А теперь вернемся в жаркий, пыльный июль 1941 года, к войскам, которые на юге нашей страны все еще бились на государственной границе. Конечно же здесь было не главное направление гитлеровцев, и их техники было меньше, и войска румынские не проявляли особого рвения. Но все же они имели превосходство во всем и могли бы наступать успешно, если бы не столкнулись с теми мерами, которые были предприняты командованием Одесского военного округа.

Опасения командарма Софронова оправдались. Плацдарм за Днестром в районе Дубоссар противнику удалось расширить. В глубину наших войск на восток прорывались крупные силы противника. В это же время с севера из района Бердичева сюда, на юг, в направлении Умань – Первомайск – Вознесенск, ударила 1-я танковая группа фон Клейста. Таким образом, уже не было никаких реальных возможностей удержать линию фронта на Днестре.

25-я Чапаевская и 95-я Молдавская стрелковые дивизии, чтобы не остаться в окружении, отходили с прочно занимаемого ими переднего края на Днестре, который при иной ситуации они могли бы еще долго держать. Они отходили теперь на рубеж обороны, непосредственно защищавший Одессу. А на Днестре снимались пулеметы и другое вооружение Тираспольского укрепрайона, оно пошло на усиление частей и на создание подвижных резервов армии.

Разрыв с правым соседом, 9-й армией, все увеличивался. Командующий Приморской армией Софронов вынужден был, не дожидаясь завершения формирования всей дивизии, послать на правый фланг кавалерийские полки дивизии Петрова, чтобы установить связь с оторвавшимся соседом и разыскать части 30-й дивизии, которая согласно последним указаниям, передавалась Приморской армии. Полки кавдивизии и сам генерал Петров металась по огромным степным просторам в поисках частей соседа справа, но всюду происходили неожиданные короткие стычки с противником. К сожалению, нет ни записей, ни воспоминаний об этих скоротечных боях. Однако можно составить представление о действиях генерала Петрова в те дни, опираясь на документы более раннего периода службы Ивана Ефимовича, потому что он несомненно использовал свой прежний боевой опыт, к тому же эти документы в какой-то мере осветят нам малоизвестный период его службы в годы Гражданской войны и борьбы с басмачеством.

Документы и воспоминания. Годы 1923 – 1940

В 1982 году я получил письмо от подполковника в отставке Кондратенко Александра Исаковича. Немного осталось теперь в живых участников событий тех далеких лет, поэтому считаю необходимым сказать несколько слов о самом Кондратенко. Родился, как он пишет, в конце XIX века, по происхождению казак, участник Первой мировой войны. В 1917 году избирался в состав ревкома села. В 1918 году служил в украинском Таращанском полку Боженко. Затем – под командованием Щорса, Буденного. В партию вступил в феврале 1919 года. С И.Е. Петровым познакомился в Средней Азии. Вот выдержка из его письма:

«Впервые я встретился с И.Е. Петровым в 20-х годах, когда он прибыл в нашу 2-ю кавалерийскую бригаду 11-й кавалерийской дивизии Первой Конной армии. Хотя тогда он был назначен военкомом 63-го кавалерийского полка, однако все время исполнял обязанности комиссара кавбригады. Той самой прославленной в многочисленных боях бригады, которой в свое время командовал С.М. Патоличев – отец нынешнего министра внешней торговли СССР. Комбриг С.М. Патоличев погиб в 1920 году в бою с белополяками.

Мне приходилось встречаться с И.Е. Петровым на полковых и бригадных партсобраниях, а иногда и на совещаниях командного и политического состава, куда я также приглашался как секретарь эскадронной коммунистической ячейки, а затем и член полкового партбюро. Иван Ефимович пользовался заслуженной любовью и уважением всего личного состава.

Он постоянно проявлял заботу о бойцах и командирах. Особенно это было видно по его отцовскому отношению к находившемуся в бригаде юному разведчику, 16-летнему Михаилу, сыну погибшего в бою комбрига С. М. Патоличева. Воспитывал его как человека и как воина. Доверял ему ответственные поручения.

Михаил Патоличев за успешное выполнение задания командования по добыче в тылу врага ценных сведений был награжден орденом Красного Знамени.

Летом 1922 года 11-я кавдивизия направлена в состав Бухарской группы войск (город Каган), Иван Ефимович Политуправлением Туркестанского фронта был временно назначен членом Реввоенсовета этой группы».

Здесь, прервав письмо, мне хочется привести очень давний документ, характеризующий пылкость и темпераментность молодого И. Е. Петрова, а также его уважение и любовь к боевым соратникам.

**«ПРИКАЗ
БУХАРСКОЙ ГРУППЕ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ
№ 239
г. Каган 8 ноября 1922 г.**

Славные полки XI кавалерийской дивизии!

За время борьбы в Туркестане с басмачеством вы вписали в историю Красной Армии много героических славных страниц.

Стремительные, отчаянно храбрые атаки ваших стройных рядов разбили и уничтожили множество врагов Бухарской Народной Республики и Советского Туркестана.

Легендарные походы XI кавалерийской дивизии по скалам и заоблачным высотам могучего Туркестанского хребта, бои на огромных высотах, куда до сего времени не ступала нога солдата, будут причислены к тем замечательным военным походам, где доблесть и самоотверженное выполнение долга соревновались друг с другом.

Ночная атака первой бригады на отряды басмачей в песках под колодезем Такай-Кудук будет служить образцом для лихих кавалеристов XI кавалерийской дивизии.

Вы повсюду достигали врага, наносили ему удар за ударом и тем самым дали возможность измученному насильями бандитов дехканину приступить к мирному труду.

Доблестные товарищи красноармейцы, командиры и комиссары! За ваши сверхчеловеческие труды, за вашу героическую службу Советскому Туркестану и Бухарской Народной Республике примите сердечную благодарность от Революционно-Военного Совета Бухарской группы.

Привет вам, стойкие бойцы!

Пусть слава о ваших делах разнесется далеко на радость рабочих и крестьян всего мира!

Командующий группой Павлов.

Член РВС Петров».

Дальше Кондратенко в своем письме пишет:

«После ликвидации басмачества мне посчастливилось окончить экстерном Ташкентское военное училище имени В.И. Ленина, то училище, которым руководил И.Е. Петров.

Как правило, И.Е. Петров на все собрания партийного актива приходил вместе с военкомом и секретарем партийной организации училища. Эту выборную партийную должность продолжительное время исполнял Федор Копытин, который впоследствии работал инструктором политотдела спецвойск гарнизона и всегда в самых теплых словах отзывался о высоких партийных качествах Ивана Ефимовича.

Жителей Ташкента всегда привлекало прохождение в строю по улицам города курсантов во главе с начальником училища И.Е. Петровым к правительственной площади для участия в военных парадах по случаю больших революционных праздников.

Очень интересно проходили на территории военного училища конноспортивные состязания, на которых часто присутствовали члены правительства Узбекской ССР, руководящие работники штаба Среднеазиатского военного округа во главе с командующим войсками.

В Первомайские праздничные дни 1933 года П.Е. Дыбенко, несмотря на то что в тот день он уже собирался выехать к новому месту службы, присутствовал на конноспортивных состязаниях.

Дыбенко пользовался большим авторитетом и любовью курсантов и командиров, они устроили ему торжественные проводы. Когда поезд Ташкент – Москва, в котором уезжал П.Е. Дыбенко, проходил мимо училища, весь личный состав подошел к железной дороге (она рядом с территорией училища) и тепло прощался со своим командующим, который на протяжении пятилетнего пребывания в Среднеазиатском военном округе так много сделал для военного училища имени В.И. Ленина».

«ИЗ АТТЕСТАЦИИ

на Петрова Ивана Ефимовича, военного комиссара 63-го кавалерийского полка 11 кав. дивизии, 1923 год.

Работник с большой инициативой. Дисциплинированный. Обладает большим административным, политическим, хозяйственным опытом.

Руководитель и организатор превосходный. Знает хорошо кавалерийское дело. К подчиненным отношение товарищеское. К партийным обязанностям относится добросовестно.

Здоров, вынослив в походах. Должности соответствует.

Врид. комдив Качалов.

Военком 11 кав. див. Каплан».

Раскрою эти скупые официальные строчки только одним эпизодом, относящимся к службе именно в 11-й кавдивизии, о котором пишет маршал С.М. Буденный в своих мемуарах «Пройденный путь», пересказываю несколько страниц.

Тяжелые испытания выпали на долю 11-й кавалерийской дивизии, велики ее заслуги перед Родиной. Другие дивизии Первой Конной давно в тылу занимаются обычной боевой подготовкой, а они все еще на фронте, все еще воюют с врагами, сколько лет не выходят из боя. Немного осталось в полках ветеранов: иные отдали жизнь за Советскую власть, за светлое будущее народа, другие (старшие возрасты) демобилизовались. Но и молодые конники свято хранили славные традиции Первой Конной, отважно дрались с басмачами.

В сентябре 1922 года командованию 13-го стрелкового корпуса стало известно, что по приказу Энвер-паши, объявившего себя главнокомандующим всеми войсками ислама, готовится налет басмачей на город Каган, где располагался штаб корпуса. Налет должен был возглавить один из главарей западнобухарского басмачества, Абду-Саттар-хан.

Командующий группой поставил перед 1-й бригадой 11-й кавдивизии задачу – разгромить банду Абду-Саттар-хана в песках Кызылкумов, а 2-й бригаде (комбриг К.И. Овинов) – очистить от басмачей Матчинское бекство. Создали сводный отряд. Командование им возложили на Ивана Ефимовича Петрова.

Выступив с мест постоянного расположения – из Катта-Кургана и Джизака, – сводный отряд 18–19 сентября сосредоточился в Бухаре, а 20-го выступил в направлении Варанзи, который являлся исходным пунктом всей операции. Здесь к отряду присоединился караван верблюдов с водой и продовольствием. Сюда же прибыл мусульманский конный дивизион под командой И.Ф. Куца.

В ночь на 21 сентября отряд вступил в Кызылкумы. Шли по твердым такырам. Петров вел отряд переменным аллюром, рассчитывая к рассвету достичь колодцев Султан-Биби, где находились басмачи. Но басмачи успели уйти, забросав колодцы падалью. А над песками уже поднималось солнце, и все вокруг запыляло жаром (температура воздуха даже до 70 градусов). Как потом выяснилось, басмачи ушли к колодцам Такай-Кудук. До них около двух суточных переходов. Караван повернул обратно, а сводный отряд направился по следам басмачей.

К концу вторых суток, окончательно выбившись из сил, отряд расположился на отдых под покровом ночи всего в пяти километрах от колодцев. На рассвете разведчики обнаружили басмачей – около 800 всадников Абду-Саттар-хана. Басмачи вели себя беспечно, будучи твердо уверены, что красный отряд, опасаясь гибели в пустыне, сюда не дойдет. Бандиты спали в юртах, около которых множество подседланных лошадей, привязанных за ноги к приколам.

– Ударим по ним внезапно, – сказал Петров.

В обход стойбища выслали усиленный эскадрон 62-го кавалерийского полка под командой Н.П. Сидельникова, ныне генерал-полковника в отставке, участника Великой Отечественной войны. Основные силы отряда, тщательно соблюдая маскировку, двинулись на сближение с противником. Конармейцы решительно атаковали бандитов. Под командиром 2-го эскадрона 61-го кавалерийского полка А.П. Листовским был чистокровный ахалтекинец, славившийся резвостью хода. Он пустил его во весь мах к левой группе юрт. Навстречу ему выбежал, судя по одежде, какой-то курбаши. Он что-то кричал, стреляя из маузера. Листовский решил взять его в плен и приказал по-узбекски:

– Бросай оружие!

Курбаши, а это был сам Абду-Саттар-хан, в ответ снова выстрелил. Этот выстрел решил его судьбу. Он упал зарубленный подле юрты...

Н.П. Сидельников удачно атаковал стойбище с тыла и не выпустил басмачей. Отряд Абду-Саттар-хана был разбит наголову. Лишь немногим удалось спастись бегством. Конармейцы захватили большое количество английского оружия, лошадей, верблюдов и другие трофеи. Сами понесли сравнительно небольшие потери.

Лихая атака бойцов 11-й кавдивизии под командованием И.Е. Петрова колодца Такай-Кудук была отмечена в приказе войскам 13-го стрелкового корпуса.

«ИЗ АТТЕСТАЦИИ

на командира 2-го Туркменского кавалерийского полка Туркменской бригады ПЕТРОВА Ивана Ефимовича, 1929 год.

Тов. Петров работал под моим руководством с августа 1928 по март 1929 года. Теоретическая и военная подготовка в масштабе кавполка достаточна. Тов. Петров справляется с тактической подготовкой начсостава своего полка. В оперативной обстановке разбирается быстро. Имеет большой опыт как бывший комиссар кавполка.

Характера мягкого. Дисциплинирован. Тактичен. Хороший командир и общественник. Морально устойчив. Войсковое хозяйство и штабную работу знает удовлетворительно.

Должности командира полка соответствует.

Командир и комиссар

кав. бригады Мелькумов.

Заключение старших командиров и начальников:

В операциях против басмачей показал себя с самой лучшей стороны. Заслуживает внеочередного выдвижения на должность командира отдельной бригады.

Командующий войсками САВО Вр. член РВС

Дыбенко. Жильцов».

«ИЗ АТТЕСТАЦИИ

на командира I Туркменской горнострелковой дивизии Петрова Ивана Ефимовича. 1932 год.

Тов. Петров энергичный, волевой, инициативный. Справился с боевой подготовкой в истекшем учебном году, тактическая и стрелковая подготовка оцениваются хорошо.

Много работает над самоусовершенствованием. Хорошо знает своеобразные условия Средней Азии, владеет местными языками.

Должности командира-военкома дивизии вполне соответствует.

Следует использовать в качестве начальника-военкома Объединенной Средне-Азиатской школы, где в условиях ее многонациональности тов. Петров со своим опытом работы в Средней Азии и знанием местных языков и обычаев будет чрезвычайно полезен.

Командующий войсками САВО Член РВС

Дыбенко. Баузер».

Все эти годы Петров участвовал в боях с басмачами. В 1933 году стал начальником Объединенной Среднеазиатской Краснознаменной военной школы, которая в 1937 году была переименована в Ташкентское Краснознаменное военное училище имени В.И. Ленина. Училище принимало участие в боях по ликвидации басмаческих банд вплоть до 1934 года, о чем свидетельствуют мраморные мемориальные доски, по сей день прикрепленные к стенам в клубе училища.

Одна треть довоенной службы Петрова – восемь лет – прошла в стенах этого училища. Иван Ефимович не только готовил здесь кадры советских командиров, но и сам совершенствовался и как военный, и как личность (ему было тридцать шесть лет в год назначения начальником школы). Он всячески укреплял богатейшие традиции этого славного училища

и сам глубоко проникался ими. Вот несколько штрихов, чтобы читатель представил себе, каковы были эти традиции.

М.В. Фрунзе сказал о курсантах этого училища так:

«Приятно и радостно сознавать, что Красная Армия имеет в своих рядах такие воинские части, какой является Туркестанская школа военных инструкторов имени В.И. Ленина. Это хорошо организованный, сколоченный, высокодисциплинированный, прекрасно обученный, героический, боевой коллектив. Приходится только удивляться тому, когда они успели достигнуть таких высоких результатов боевой выучки, дисциплины и храбрости... Без преувеличения можно сказать, что эта школа в сравнительной оценке стоит неизмеримо выше десятка кадровых юнкерских училищ царской армии...»

Член РВС Туркфронта В.В. Куйбышев часто выступал перед курсантами с докладами и лекциями о текущей политике, международном положении, национальной политике советской власти. Курсантские отряды участвовали в ликвидации банд Мадамин-бека, Курширмата, Ибрагим-бека, войск эмира Бухарского и многих других. В итоговом приказе М.В. Фрунзе о ликвидации банд на Ферганском фронте про курсантов сказано: «Школа блестяще выполнила задачу». Ташкентское училище сыграло выдающуюся роль в защите и упрочении Советской власти в Средней Азии. Победы, одержанные курсантами на Актюбинском, Закаспийском, Семиреченском, Ферганском, Бухарском фронтах, – золотые страницы истории училища. Много курсантов погибло в боях, многие были зверски замучены басмачами. Имена героев боев свято чтут в училище.

Вот такое высокое наследство и ответственность за него принимал Петров вместе с должностью начальника и комиссара училища.

Много славных дел совершили курсанты и преподаватели училища под руководством Петрова. Приведу только одну выписку из статьи командующего Среднеазиатским военным округом П.Е. Дыбенко, опубликованной в августе 1933 года в окружной «Красной звезде». Он ставит училище в пример всем:

«Ленинская школа держит высоко свои боевые знамена!.. Мы не сомневались, что и на осенней проверке по всем видам боевой и политической подготовки не сдадут свои позиции начсостав и курсанты Краснознаменной ленинской школы, как ведущая часть округа...»

В акте инспекторского смотра боевой подготовки школы отмечено: политическое обеспечение учебного процесса в школе поставлено образцово, боевая выучка оценивается отлично, стрельбы всех видов проведены на «отлично». Кто долго служил в армии, знает: такие оценки на инспекторских проверках заслужить трудно, да и пишутся они в актах очень редко.

Иван Ефимович всегда с большим уважением и пониманием относился к трудящимся республик Средней Азии. Для него официальный термин «национальный вопрос» в повседневной жизни выливался в доброе, теплое отношение к людям, желание помочь им преодолеть малограмотность, бедность и отсталость.

Петров был горячий сторонник подготовки командиров из местных национальностей, он кропотливо искал, подбирал способных пареньков и принимал их в училище, несмотря на отсутствие необходимого для поступающих аттестата об окончании средней школы. В училище доучивали этих ребят. И, как правило, они становились отличными офицерами. Вот рассказ одного из них – Махкама Саидовича Саидова, живущего сейчас в Андижане:

– Однажды, в тридцать четвертом году, после окончания второго курса иду по опустевшей казарме – все разъехались в отпуск по домам. Вдруг навстречу комбриг Петров. Я отдал честь. Он остановился, спрашивает: «Почему в отпуск не уехали?» Я смутился, замялся, но

доложил: «Сирота, товарищ комбриг, не к кому ехать». Петров как-то особенно внимательно посмотрел на меня, голова его дернулась. Ничего не сказал, пошел дальше. На следующий день меня вызывают в штаб. Прихожу. Там еще двадцать таких, как я, курсантов бездомных собралось. И вот вышел к нам начальник училища, посмотрел добро и весело через стекляшки пенсне и сказал: «Поедете отдыхать как все. И у каждого из вас есть семья, большая, хорошая семья – Красная Армия. Поедете в Ленинград». Оказывается, он позвонил начальнику ленинградского училища, объяснил ему суть дела и договорился, чтобы нас приняли как гостей. И вот я, бездомный мальчишка, который, кроме кишлака своего, ничего не видел, еду с товарищами в Ленинград. Нас одели в курсантскую форму, снабдили едой на дорогу, купили билеты, проводили. Это было как в сказке. В Ленинграде тоже встретили. С цветами! Поселились в училище, питались в курсантской столовой! По сути дела, и расходов-то больших на нашу поездку не было. Но отцовскую заботу Петрова никогда не забудем. Он понял наше сиротство и сделал все, чтобы не только согреть нас, но и помочь нам прикоснуться к великой культуре, расширить кругозор. Мы осмотрели Петергоф, Эрмитаж, Петропавловскую крепость, Смольный и другие исторические места. Вернулись в училище окрыленные, счастливые, и каждый из нас всю жизнь считает Петрова Ивана Ефимовича родным отцом, и не только за эту поездку, он всегда не упускал нас из виду и чем-нибудь да старался помочь нам в учебе и в жизни вообще...

Прошло много лет, теперь Саидов уже полковник в отставке, он честно и добросовестно служил в армии, прошел через всю войну. Воевал храбро и умело, о чем свидетельствуют высокие награды: орден Красного Знамени, ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени, два ордена Красной Звезды, медаль «За отвагу» и другие медали. Вот и такие есть подводящие итог слова в рассказе полковника-ветерана Саидова: «Всю жизнь меня согревало тепло генерала Петрова, и я не подвел дорогого Ивана Ефимовича – служил честно, воевал так, чтобы моему учителю не пришлось за меня краснеть».

Рассказ Саидова напомнил и мои курсантские годы.

Мне посчастливилось быть свидетелем очень важного события в жизни всей Советской Армии и, несомненно, в службе Ивана Ефимовича Петрова. В 1939 году Указом Президиума Верховного Совета СССР был введен новый порядок принятия военной присяги. Она отныне принималась всем личным составом Вооруженных Сил одновременно – 23 февраля, в День Красной Армии и Военно-Морского Флота. Каждый военнослужащий не только произносил присягу, но и ставил свою подпись под ее текстом.

В тот день утром курсанты училища были построены на стадионе перед фасадом здания заместителем начальника училища по учебно-строевой части А.З. Арзамасцевым. Пришел Иван Ефимович, худошавый, подтянутый, с неизменным пенсне, с орденами и медалью на груди, на петлицах один ромб – он был еще комбриг. Рядом с ним полковой комиссар Фейгин, небольшого роста, коренастый. Петров взволнован, но старается этого не показать. Он произносит короткую речь, первым подходит к столу, накрытому красной скатертью, и принимает присягу. Голос его звучит громко и четко, именно так и даются клятвы. Расписывается и, высоко подняв голову, смотрит на своих питомцев. Вторым дает присягу комиссар Фейгин.

Когда все курсанты произнесли заветные слова и поставили свои подписи, Петров сказал:

– Мы дали присягу своему народу. Мы пронесем эту присягу через всю нашу жизнь как самое дорогое, как самое сокровенное, как самое ценное из всего, что у нас есть. Мы сохраним ее в нашем сердце до самого последнего часа, дня, минуты, секунды, не отступая от нее ни на шаг. И если потребует от нас наша любимая Родина умереть за счастье ее на поле боя, то, умирая, пускай каждый из нас при последнем вздохе произнесет слова: «Я честно выполнил свой долг».

Курсанты отвечают на слова Петрова дружным «ура». Мы любили его безгранично и преданно. Позови он нас в любую минуту в бой – мы пошли бы за ним, как говорится, в огонь и в воду. Строгий, знающий военное дело до тонкости, он был в то же время по-отцовски

добр к курсантам, любил нас, мы это всегда ощущали. Он говорил с нами всегда откровенно, шутил, иронизировал, но никогда не опускался до панибратства, был требователен, зная, что это нужно для нашей же пользы.

Помню последний день Петрова в училище. Его назначили командиром дивизии. Незадолго перед этим были введены генеральские звания. Петров сменил два ромба (он был перед аттестацией комдивом) на генеральские алые петлицы с золотыми звездами. В этот день Иван Ефимович был каким-то неофициальным. Он смотрел на нас добрыми глазами и не начинал говорить, видимо опасаясь, чтобы голос его не пресекся. Было так тихо, словно вокруг не было ни души. Петров взял себя в руки, сказал нам несколько сердечных напутственных слов и закончил речь так:

– За восемь лет пребывания в училище я сроднился с вами как со своей семьей. Мне жаль с вами расставаться. Дорогие друзья! Помните, что вы – ленинцы! Где бы вы ни были и что бы вы ни делали, всегда и всюду помните об этом и не роняйте это высокое звание. До свидания, друзья!

Растроганные до глубины души, мы готовы были проводить генерала до дома, но дисциплина не позволяла этого, мы стояли в строю. Мне, да и однокашникам моим, прощание показалось печальным. Таким оно и было. Не знали мы тогда, какими тяжкими были три последних года для Петрова, какие несправедливые наветы ему пришлось перенести, не знали, что он мог даже погибнуть. Он и при прощании не сделал и малейшего намека на причину перевода на другую работу. О том, что тогда происходило в жизни Петрова, рассказ впереди, а сейчас мы возвращаемся в Одессу, к которой со всех сторон подступали огромные силы противника, тесня ее защитников к морю.

Август 1941 года

5 августа поступил приказ от главнокомандующего Юго-Западным направлением маршала Буденного – собственно, это был приказ Ставки Верховного Командования, который Буденный продублировал: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот». Этот день и принято считать началом героической обороны Одессы.

Теперь фронт представлял собой большую, длиной в восемьдесят километров дугу, которая упиралась своими основаниями в берег моря. На правом фланге эта дуга отодвинута была от Одессы примерно на тридцать километров, а на левом фланге и в центре – на сорок. Вот на эту дугу командующий и командиры частей стягивали все, что уцелело в предыдущих боях. Подразделения не просто отходили, а вели упорные бои с частями противника, рвущимися к городу.

Над созданием оборонительных позиций в пределах этой дуги заблаговременно много и хорошо потрудились девять инженерных и тринадцать строительных батальонов, а также десятки тысяч жителей города. Этими работами руководили оказавшийся здесь в командировке один из опытейших военных инженеров того времени Герой Советского Союза генерал-майор Аркадий Федорович Хренов и начальник инженерных войск Приморской армии полковник Г.П. Кедринский. Аркадий Федорович подружился с Петровым в дни героической обороны Одессы, а потом и Севастополя, после войны несколько лет работал с ним в Министерстве обороны СССР. Ныне Хренов – генерал-полковник-инженер, живет в Москве. Я не раз бывал в его скромной квартире на проспекте Вернадского, где он рассказал мне много интересного об Иване Ефимовиче. Аркадий Федорович небольшого роста, подвижный, в молодости, видимо, белокурый, теперь совсем белый. Человек широко образованный, начитанный, он обладает большим опытом, который глубоко осмыслил. В своих мемуарах «Мосты к победе» Хренов, на мой взгляд, впервые в нашей военной литературе так широко и с большим знанием

специфики дела описал роль инженерных войск в операциях Великой Отечественной войны. Много страниц в этих воспоминаниях посвящено инженерному обеспечению обороны Одессы и Севастополя.

Кавалерийские полки дивизии Петрова, продолжая выполнять задачу по установлению контакта с правым соседом, выдвинулись далеко вперед, некоторые из них оказались в тылу врага. Они вынуждены были пробиваться через обошедшие их румынские и гитлеровские части, чтобы выйти к своим. В эти дни Петров, рискуя жизнью, метался по степи на старенькой машине, отыскивая подразделения и части своей дивизии, ставя им задачи для выхода на новый рубеж обороны.

В начальный период войны радиосвязь применялась ограниченно. Ну а телефонной в таких подвижных боях конечно же не было. Поэтому Петров вынужден был при помощи работников штаба и сам лично собирать части дивизии. В этих своих поездках Петров не раз наткнулся на вражеские отряды. Опыт маневренных боев с басмачами очень пригодился ему в эти дни.

Наконец Петров собрал почти все части, только про 5-й кавалерийский полк под командованием капитана Блинова, того самого, который подал когда-то команду: «Равнение на дом Пушкина!» – не было известно, где он находится. Петров сам отправился на поиски полка. В районе поселка Свердлово он вдруг обнаружил этот полк. Причем увидел его в очень любопытном положении. Полк был построен, и перед его фронтом стояло несколько пленных вражеских танкистов. Командир полка Блинов что-то очень горячо говорил, обращаясь к бойцам.

Для того чтобы было понятно происходящее, нужно коротко сказать о том, что предшествовало этому построению. Прорываясь из тыла противника, Блинов построил полк в следующий боевой порядок: впереди сабельные эскадроны, посередине штаб и спецподразделения, а сзади прикрытие – пулеметные тачанки. Вот в таком построении они пробивались к своим. Пытаясь их перехватить и уничтожить, фашисты выслали танки. Но кавалеристы, пустив в ход свою батарею, повредили несколько танков и пробились через заслон. Из подбитых танков конники извлекли пленных. Кавалерийский полк прорвался, Блинов построил его и, желая воодушевить своих бойцов, приказал вывести пленных – это были немцы, а не румыны. Перед строем Блинов сказал:

– Смотрите, хлопцы, на этих фашистских сморчков, глядите хорошенько. Нам ли таких не одолеть? Каждый из вас, кто встретится в бою с фашистами, встретится вот с такими плюгавыми трусами. Вы смотрите, как они дрожат, смотрите на них – вот такие они вояки!

В эту минуту генерал Петров и подошел к командиру полка. Блинов доложил ему о прибытии полка. Иван Ефимович обнял его и расцеловал перед строем. Затем генерал поблагодарил конников за мужество, за смелость, за прекрасно проведенные бои.

В другой раз встреча с полком после неравной схватки, по воспоминаниям Блинова, произошла так:

«Показались клубы пыли. На своем знаменитом «пикапе» катил комдив в сопровождении четырех автоматчиков. Этот генеральский «пикап» хорошо знали участники обороны Одессы. Человек большой личной храбрости, И. Е. Петров появлялся на нем в самых горячих местах, за что получал нагоняи от командующего армией генерал-майора Софронова.

«Пикап» не доехал метров пятьсот до моего командного пункта на кургане перед селом. Я вышел навстречу генералу.

– Давай-ка, майор, потолкуем на свежем воздухе! – прервал мой доклад о трофеях генерал Петров. – Ох и волновались же мы, в штарме боялись – не прорвешься. Стоило фашистам перекрыть сзади тебя Николаевскую дорогу – и был бы ты как кот в мешке...

– Как конь в мешке... – пошутил я.

– Теперь шутить можно: все хорошо, что хорошо кончается...

Мы расположились на склоне кургана. Недалеко в жаркой истоме ворочалось море. «Вот бы выкупаться сейчас», – подумал я.

– Трофеи и пленных отправил в Лузановку, там сейчас мой штаб. А потери есть?

– Немалые: двадцать убитых, двадцать пять раненых.

Генерал смотрел на море.

– Потери будут... Трудно будет, очень трудно, но Одессу не сдадим!

В его словах – большая внутренняя сила и уверенность.

– Товарищ генерал, неделя, как с седел не слезаем. И люди устали, и кони притомились.

– Хорошо. Подумаю об этом. А пока что, Федор Сергеевич, сделаем так...

Иногда генерал обращался ко мне не по званию, что считалось у него признаком расположения. У нас с комдивом сложились очень хорошие отношения – деловые и человеческие, основанные на глубоком взаимном уважении и доверии. И.Е. Петров был искренним человеком, не терпел никакой фальши и угодничества.

– ...Место тут ровное. Фашисты полк как на ладони видят. Придется тебе за Аджалыкский лиман отойти и там закрепиться.

Я насторожился:

– Это значит – отступить?

– Да! Ведь мы – подвижной резерв штаба армии, где туго будет, туда нас и бросят. Мы свое дело сделали – остановили фашистов и в Кайрах, и в Петровке, и здесь, в Сычавке, в Одессу они не ворвались. А за это время в Булдьнке и Григорьевке окапывались морские пехотинцы и пограничники. Они и будут держать оборону. А конников тут, как куропаток, постреляют.

Вот за это уважали и любили Петрова в дивизии – в любой ситуации он прежде всего думал о безопасности людей и в то же время, когда нужно, был требовательным и непреклонным до конца.

– Продержись дотемна в Сычавке, потом отойдешь в Григорьевку и Булдьнку. Будем оборонять Аджалыкский лиман. Я даю тебе батальон минеров: как займешь Григорьевку, они дамбу между морем и лиманом заминируют – и будешь сидеть как у Христа за пазухой. Пусть только сунутся!»

Интересно произошло знакомство генерала Петрова с капитаном Ковтуном.

Кавалерийская дивизия находилась во втором эшелоне. Конники замаскировали своих коней в зарослях кукурузы. Здесь же находился и Петров. Он сидел в тени кустарника, изучая карту. Рядом, загнанный в кукурузу, стоял разогретый на солнце пыльный «пикап-эмка», своеобразный гибрид легковой и грузовой автомашины, выпущенный Горьковским автозаводом. С другой стороны кустов пролегла тропинка, по которой шел командир 7-го кавалерийского полка полковник Василий Иванович Лукашук с каким-то незнакомым коренастым капитаном. Их разговор невольно подслушал Иван Ефимович.

– Бросай ты пехоту, переходи к нам, – говорил Лукашук, – комдив у нас замечательный человек – генерал Петров, слышал?

– О Петрове слышал, а для конницы я устарел, много лет уже не садился на коня.

Петров, понимая неловкость своего положения, решил обнаружить себя и спросил из-за кустов:

– Кого это вы, Лукашук, агитируете?

Командиры удивленно переглянулись.

– Да вот встретил старого однополчанина, еще в Гражданскую служили. Деникина, Петлюру, белополяков били вместе, – ответил Лукашук.

– Заворачивайте сюда, – позвал Петров.

Командиры, раздвигая кустарники, подошли к генералу.

Незнакомец представился: капитан Ковтун.

– Вы кавалерист? Где служили? Когда? Кто командовал дивизией, полком? – стал спрашивать Петров.

– Был начальником штаба полка, перед увольнением исполнял обязанности командира Седьмого червонно-казачьего полка.

– Почему уволились?

– Хотел учиться, институт закончить.

– Удалось?

– С большим трудом.

– Какая же у вас специальность?

– Очень далекая от дел военных – лесовод.

– Где, кем работали?

Ковтун улыбнулся:

– Много сменил должностей: был секретарем райкома партии, директором МТС, руководил лесными, а потом рыбными хозяйствами на Украине и на Дальнем Востоке. Перед войной опять призвали. В боях с первого дня. Сейчас разведкой дивизии команду.

– С какого года коммунист?

– С тысяча девятьсот двадцатого.

Майор Лукашук попросил:

– Товарищ генерал, у меня нет начальника штаба, вот бы Ковтуна и забрать.

– А вы пойдете? – спросил Петров.

В это время начался обстрел, разговор остался незаконченным.

Позднее Ковтун прошел рядом с Петровым все бои за Одессу, Севастополь и на Северном Кавказе, поэтому я так подробно знакомлю с его биографией. К тому же его жизненный путь характерен для командиров, пришедших из запаса. В большинстве своем они были опытные воины и крепкие, надежные в политическом отношении люди.

В 1981 году я разыскал Андрея Игнатьевича Ковтуна. Ему шел восемьдесят первый год, он генерал-майор в отставке, живет в Симферополе, автор нескольких мемуарных книг. Его «Севастопольские дневники» – рассказ об обороне Севастополя – в 1963 году были опубликованы в «Новом мире».

Рассказы очевидцев, их воспоминания о каком-либо эпизоде, где Иван Ефимович участвовал, а вспоминающий это видел сам, были для меня самым ценным материалом из всех собираемых для книги, я искал их, не жалея времени и сил. Воспоминания Андрея Игнатьевича были именно такой дорогой находкой¹.

В тот день, когда Ковтун познакомился с Петровым, они встретились еще один раз. Андрей Игнатьевич так рассказывал об этом:

– В этот день я искал штаб Тридцать первого полка, где, как мне стало известно, были недавно взятые пленные, а мне, как разведчику, постоянно нужны были новые, последние сведения о противнике. И вот я выехал в то место, где должен быть штаб, но увидел цепь залегших красноармейцев. Полагая, что это второй эшелон, я вышел из машины. Бежит ко мне лейтенант, кричит: «Куда вы! Впереди противник!» Действительно, вижу – далеко впереди лежит еще одна цепь, но это уже, оказывается, враг. Не успел я подумать, почему же по нашей машине не стреляют, как застрочили пулеметы. Мы помчались в кукурузное поле. И здесь я увидел «пикап» Петрова. На подножке его стоит генерал, держится за закрытую дверцу с опущенным стеклом и направляется туда, откуда мы только что удрали из-за обстрела. Я выскочил

¹ Здесь и в некоторых других местах автор не ставит в кавычки текст, опубликованный в воспоминаниях собеседников, так как в личных беседах те же эпизоды были рассказаны другими словами, а порой и редактировались самими рассказчиками или автором.

из машины, замахал рукой, остановил. «А, это вы! В чем дело?» – спросил Петров. Я объяснил. «Ну и дела! – Петров покачал головой. – По нашим сведениям, вражеских войск здесь не должно быть». Мы отъехали в глубь кукурузного поля. Петров послал кавалеристов разобратся, что происходит впереди. «Второй раз за день встретились, значит, надо закончить наш разговор. Давайте-ка перекусим, пока есть время». Ординарец, пожилой солдат с орденом Красного Знамени на груди, тут же на «пикапе» быстро организовал «стол». «Иван Ефимович, готово!» Меня несколько удивило такое обращение к генералу. Петров заметил это и сказал: «Пусть это вас не смущает, с Емельянычем мы знакомы еще с Гражданской войны, и орден боевой он еще в те годы получил».

Когда мы наскоро поели, Петров спросил: «Ну как, есть желание вернуться в кавалерию?» – «Надо подумать», – уклончиво ответил я. «Надумаете – скажите, устрою перевод».

Все, кто был знаком с Петровым, отмечают его удивительную память на людей. Если бы после этого разговора он с Ковтуном встретился лет через двадцать, обязательно вспомнил бы его и все подробности его биографии. Беседы Петрова никогда не были праздными. У него в голове был своеобразный «отдел кадров», он сразу и безошибочно определял деловые качества командиров и находил им служебные места, которым они наиболее соответствовали и где могли принести наибольшую пользу для общего дела. Кстати, так произошло вскоре и с Ковтуном. Несмотря на то что он был всего лишь капитан-«резервист», не кадровый, Петров назначил его командиром полка, но об этом позднее.

Организуя защиту Одессы, командующий Приморской армией генерал-лейтенант Софронов разделил оборону города на три сектора. В основу обороны каждого сектора была поставлена дивизия.

Восточный сектор возглавил комбриг С.Ф. Монахов. В этом секторе даже не было дивизии, его обороняли разные части, некоторые недавно сформированные, недостаточно обученные: 1-й полк морской пехоты, сводный полк НКВД и 54-й Разинский полк Чапаевской дивизии, который в ходе боев оказался на этом направлении. Против этих разрозненных, но героически сражавшихся частей наступали 15-я и 13-я пехотные румынские дивизии, 72-я немецкая пехотная дивизия, румынская кавалерийская бригада, моторизованная бригада, много артиллерии и танков.

Западным сектором командовал командир 95-й стрелковой дивизии генерал-майор В.Ф. Воробьев. На этот сектор наступали один румынский армейский корпус и еще две румынские пехотные дивизии с танками.

В Южном секторе оборонялись 25-я Чапаевская дивизия (без одного полка) под командованием полковника А.С. Захарченко и сводный пулеметный батальон.

Кавалерийская дивизия генерала Петрова, понесшая большие потери в боях, была выведена в резерв командующего армией.

Разделение обороны на самостоятельные секторы было, пожалуй, наиболее целесообразно в создавшейся обстановке и при тех особенностях местности, на которой предстояло обороняться. Восьмидесятикилометровая дуга обороны была на флангах прикрыта лиманами, глубоко врезавшимися в сушу: на западе – Днестровским, на востоке – Хаджибейским. Внутри этой дуги было еще несколько лиманов, тоже пролегающих от моря к переднему краю, – Куяльницкий, Аджалыкский, Тилигульский, Сухой. Они не только разрезали весь Одесский оборонительный район на секторы, но, главное, препятствовали маневру внутри района. Разделение на секторы позволяло войскам более самостоятельно выдерживать и отражать натиск врага, давало возможность быстро маневрировать внутри сектора, обеспечивало более устойчивое управление.

У защитников Одессы совсем не было танков и очень мало авиации. Но зато на защиту города переключилась вся береговая артиллерия и мощная артиллерия кораблей, которые находились в Одесском порту.

Еще во время боев на подступах к Одессе горожане уходили на пополнение частей Красной Армии, а когда враг подступил к городу совсем близко, на фронт ушло 12 тысяч коммунистов и 73 тысячи комсомольцев – так начиналась боевая биография города-героя, отрезанного от всей страны врагами и морем.

19 августа поступила директива Ставки о создании Одесского оборонительного района с подчинением его Черноморскому флоту. Командующим оборонительным районом был назначен командир военно-морской базы контр-адмирал Гавриил Васильевич Жуков. Таким образом, Приморская армия переходила под начало моряков, хотя оставалась основной и главной силой сухопутной обороны.

Моряки и сухопутчики – после некоторых недоразумений на первом этапе – нашли в себе мужество понять необходимость свершившегося и сосредоточить свои силы на главном: на защите Одессы. В дальнейшем работа их протекала дружно и слаженно. Иначе и не могло быть, руководители обороны Одессы были опытные военачальники, коммунисты, патриоты. Генералу Петрову в дальнейшем пришлось много дней руководить боями вместе с контр-адмиралом Жуковым, чья биография тоже характерна для военачальника Советской Армии.

Восемнадцатилетним юношей Жуков добровольцем ушел в Красную Армию, в годы Гражданской войны в составе матросских отрядов он воевал против белогвардейцев и интервентов под Астраханью. В 1919 году Гавриил Васильевич вступил в партию большевиков, в том же году за смелость и самоотверженность в боях был награжден орденом Красного Знамени. После Гражданской войны Жуков окончил Ленинградское военно-морское училище, служил на Балтике и на Черном море. Участвовал в боях с фашистами в Испании. С 1940 года командовал Одесской военно-морской базой. В дни боев за Одессу Жуков показал себя строгим, требовательным и авторитетным командиром. По отношению к генералу Петрову Гавриил Васильевич однажды в очень трудный и критический момент поступил не только в высшей степени благородно, но и с большим риском для своей личной карьеры, в чем читатель убедится в дальнейшем.

Создание Одесского оборонительного района совпало с очень трудными для защитников города днями. Утром 20 августа противник ввел в бой до шести пехотных, одну кавалерийскую дивизию, одну бронеприбаву и прорвал фронт на участке Кагарлык – Беляевка. Враг ворвался в Беляевку. А это означало, что трехсоттысячное население Одессы остается без воды, потому что в Беляевке были головные сооружения одесского водопровода.

По директиве Ставки предписывалось: «...контр-адмиралу Жукову подчинить все части и учреждения бывшей Приморской армии...» Жуков понял этот пункт как расформирование штаба Приморской армии и сам стал, минуя этот штаб, командовать дивизиями. Он в сложной обстановке разрешил 25-й Чапаевский дивизии, находящейся в Южном секторе, отойти на новый рубеж. Это вынудило отступить в Западном секторе и 95-ю дивизию, потому что она могла быть обойдена с фланга и отрезана. Командующий Западным сектором генерал-майор Воробьев и его подчиненные вложили очень много сил на оборудование рубежа обороны, который занимала дивизия и который она могла бы удерживать еще долгое время, если бы не события в Южном секторе.

Отход 25-й дивизии прошел неорганизованно, командование потеряло управление частями. Обстановка усложнялась с каждым часом, предстояли еще более тяжелые бои. В тех условиях нельзя было рассчитывать на то, что командир дивизии поправит свои ошибки, надо было действовать немедленно и решительно. Поэтому Военный совет в ту же ночь назначил командиром 25-й Чапаевской дивизии генерал-майора Петрова, а комиссаром ее – бригадного комиссара А.С. Степанова. Для того чтобы генерал Петров мог остановить противника в Южном секторе, кавалерийская дивизия оставалась временно в его подчинении.

Генерал Петров вступил в командование 25-й Чапаевской стрелковой дивизией очень своеобразно. Это не было желанием удивить кого-то своей оригинальностью. Просто Иван

Ефимович был опытный боевой командир, со своими сложившимися взглядами на ведение боя и на руководство им. 21 августа рано утром в первый же день своего командования он прибыл с адъютантом на передний край 287-го стрелкового полка, которым командовал майор С.И. Султан-Галиев, и стал прямо здесь знакомиться с положением дел, и прежде всего с командирами подразделений. У него было такое правило: он должен знать всех командиров, с кем ему предстояло служить, – от командиров взводов и выше. Поэтому он пришел сразу же на передний край. К тому же он понимал, что появление командира дивизии на переднем крае в такой трудный и, прямо скажем, критический момент, когда противник продолжает наступление, подбодрит красноармейцев и командиров, укрепит их стойкость, и он не ошибся.

Как раз на рассвете началась новая атака противника. Петров, чувствуя накал боя и напряжение сил обороняющихся, не остался на командном пункте 287-го полка, а перешел на батальонный КП. Здесь, в непосредственной близости к врагу, он увидел: наступающие шли и тянули с собой пушки, они останавливались, вели огонь по нашим пулеметам, поддерживали пехоту и опять продвигались вперед. Ходить в атаку с пушками – это, конечно, дело рискованное, но противник, видимо, рассчитывал показать этим, что он полностью уверен в успехе и непременно овладеет лежащим впереди рубежом.

Петров конечно же понял этот психологический трюк и крикнул комбату:

– Надо проучить их за это нахальство! Надо контратаковать и отбить у них пушки. Поднимайте бойцов в контратаку!

Командир батальона, командиры рот повели батальон в контратаку. Противник не выдержал, не принял штыкового боя, стал отходить. А наши бойцы захватили пять орудий и запасы снарядов, которые за ними везли. Продвижение противника таким образом было остановлено!

Не опрометчиво ли поступил генерал Петров, уйдя на передовую через несколько часов после назначения на должность командира дивизии? Что это – бравада? Желание показать новым подчиненным свою храбрость? Пренебрежение к традиционным формальностям по приему и сдаче командования соединением?

Ни то, ни другое, ни третье. Петров исходил из главного – необходимости остановить врага, стабилизировать линию фронта на участке дивизии. Что ему делать в тылах? Принимать, подписывать бумаги? Знакомиться с частями? Но у него в подчинении всего два стрелковых полка, оба они на переднем крае, третий – в Восточном секторе. Резервов нет. Оперативно подчиненная ему кавалерийская дивизия хорошо известна, он только что был ее командиром. Что еще? Конечно же есть масса дел, которыми надо руководить командиру дивизии, но ими могут заняться заместители, начальник штаба, те, кто был здесь до него и лучше его знает все тонкости. Главное сейчас – остановить врага! И значит, надо прежде всего знать этого врага, где он, сколько у него сил, куда они направлены. Надо знать, чем можно остановить напор противника, какими силами располагает он сам, Петров. А все его силы впереди, значит, надо поскорее туда! Какие люди командуют полками, батальонами, ротами? Уж он-то знает, как много зависит от командира! Командир вдумчивый, смелый, подразделение в надежных руках – значит, и воевать оно будет надежно. Командир нерешительный, неуверенный – не жди от его подразделения ничего хорошего!

Нет, знал Иван Ефимович, что надо делать! Коротко поговорил с начальником штаба и с комиссаром дивизии: больше и не нужно говорить в такой обстановке. И вот:

– Начальник артиллерии, прошу за мной!

И – вперед.

Артиллерия была основной силой, которой генерал мог тогда влиять на исход боя. Танков нет. Никаких других поддерживающих сил и средств нет. Именно поэтому:

– Начарт, за мной!

И по дороге на передовую Иван Ефимович, верный себе, успел коротко поговорить с начартом. Подполковник Фрол Фалькович Гроссман перед началом войны был преподавателем

в военном училище, но он не хотел оставаться в тылу, добился назначения в действующую армию и заменил выбывшего из строя начарта Чапаевской дивизии. К моменту назначения Петрова комдивом Гроссман был уже опытным фронтовым артиллеристом.

И вот Петров в расположении 287-го стрелкового полка. Руководит боем и добивается первого успеха!

По этому поводу маршал Крылов, он тогда был начальником оперативного отдела Приморской армии, пишет:

«Существуют разные мнения насчет того, следует или не следует командиру соединения в боевой обстановке отлучаться со своего КП, оставляя там кого-то другого, чтобы лично побывать в частях. Но в этом, очевидно, не может быть общих правил. Василий Фролович Воробьев находился на КП почти безотлучно, и это не означало, что он плохо командует дивизией. Петров же – тут сказывались, вероятно, как склад характера, так и специфика прошлой его службы – испытывал потребность видеть своими глазами, как идет дело в полках, в батальонах. В Чапаевской дивизии он скоро знал в лицо и по имени-отчеству каждого командира роты.

Мне кажется, для Ивана Ефимовича всегда было необходимо, думая о каком-то участке фронта, представлять конкретных людей, с которыми он уже встречался и о которых имеет определенное суждение. В близком знании подчиненных он черпал собственную уверенность, когда принимал решение, ставил боевую задачу».

В течение нескольких дней Петрову удалось остановить наступление противника в Южном секторе и закрепиться на новом оборонительном рубеже. Причем этого успеха он добился не только оборонительными действиями, но активностью, постоянно контратакуя наступающего противника. Это было его принципом. Иногда подразделения, контратакуя противника, закреплялись на новых рубежах и переходили к круговой обороне, находясь в окружении противника. Удерживая эти позиции, они тем самым дробили боевой порядок наступающих, лишали их возможности продвигаться по всей ширине фронта и дезорганизовывали наступление. Умело использовал Петров и своих конников, которые ему подчинялись сейчас. Он ставил им задачи: ночью под покровом темноты выдвигаться в кукурузных зарослях и лихими наскоками отбивать населенные пункты, занятые противником. Один из полков в решительной контратаке окружил батальон 14-й пехотной дивизии противника и уничтожил его. Два других батальона противника отошли с потерями. 31-й Пугачевский полк контратакой опрокинул противника и ворвался в Францфельд. Командующий армией по телефону поздравил генерала Петрова с успехом.

Воспользовавшись похвалой командарма, Петров попросил:

– А не вернете ли в дивизию Разинский полк?

Этот полк как втянулся в бои, так и остался в Восточном секторе. Ну а командиру дивизии, конечно, хотелось собрать всю дивизию вместе. Просьба о возвращении полка была обоснованна и своевременна, положение в Южном секторе оставалось все еще напряженным. Однако и в Восточном секторе было не лучше. Поэтому Софронов не обещал вернуть полк.

– Ну, тогда, может быть, морячков подбросите? Я слышал, у вас сейчас их прибавилось.

Но и морячков командующий не мог дать на полное восстановление сил дивизии Петрова, дал всего 400 человек, потому что к этому времени очень обострились бои в Западном секторе. На этот раз уже генерал Воробьев попал в трудное положение, и моряки ушли в основном на пополнение его частей.

Дивизии, оборонявшие Одессу, несли большие потери. В части, отрезанные от всей страны и главных сил Красной Армии, пополнение поступать регулярно конечно же не могло. Иногда собирали отряды добровольцев-моряков с кораблей. Но в большинстве своем пополне-

ние поступало из Одессы. В дни обороны города добровольцами шли в части и совсем молодые комсомольцы, и люди непризывного возраста, и те, кто по состоянию здоровья не был взят при мобилизации. Но это были люди стойкие, надежные. Они защищали свой город до последнего. Вот один только пример.

Это произошло в Разинском полку дивизии генерала Петрова. (Воспроизвожу события по рассказу очевидца, политрука роты Якова Васковского, с которым я встречался.) Очередная атака свежих сил врага была упорной и мощной. Атакующие подошли к нашим окопам уже близко. Все отбивали наседающих огнем, молчал только пулемет на левом фланге.

– Почему молчит пулемет на левом фланге? – гневно прокричал в телефонную трубку комбат Сершенко. – Немедленно проверьте, в чем дело?

Командир роты лейтенант Гринцов побежал на свой левый фланг. Пулеметный расчет там был новый, только прибыл, Гринцов даже не успел с ними побеседовать перед боем.

Прибежав к пулемету, лейтенант увидел – расчет жив, пулеметчик стоит, склоняясь к прищелу.

– Почему не стреляете?

– Далеко еще. Пусть поближе подойдут, – ответил спокойно пулеметчик.

– Они тебя гранатами забросают! Стреляй!

Лейтенант хотел уже оттолкнуть упряма, но пулеметчик застрочил. Солдаты противника падали, срезанные точным огнем.

– Молодчина! – невольно похвалил Гринцов. – Смотри, сколько уложил! Орден тебе полагается!

Пулеметчик наконец оглянулся, и лейтенант увидел, что это девушка, подстриженная под мальчика. Ее глаза весело щурились.

– Орден – это хорошо, товарищ командир. Только я пришла сюда не за орденом. За спиной – моя Одесса!

Пришел после боя и комбат Сергиенко познакомиться с отважной пулеметчицей. Звали ее Нина Онилова.

– Вы прямо как чапаевская Анка в фильме! Но все-таки запомните: так близко подпускать врагов нельзя. Может случиться задержка в пулемете или гранату добросят – и окажутся фашисты у нас в окопах.

– Есть, товарищ капитан!

До генерала Петрова дошли слухи об отважной пулеметчице. Вскоре принесли ходатайство о представлении ее к награде. Генерал почему-то на этот раз не подписал бумагу, приказал вызвать Онилову.

Она пришла в телогрейке, испачканном землей обмундировании, да и на лице у нее, хоть и видно, что умывалась, остались следы ружейного масла и копоти. Небольшого роста, смущенная и немногословная, она стояла перед генералом.

– Расскажите, как вы били фашистов, – попросил Петров.

– Била, как все.

– Нет, не как все, вы их поближе подпускали, – напоминает генерал.

Онилова опускает глаза, вроде бы виновата:

– Чтоб наверняка их, гадов. Чтоб патроны зря не тратить.

Генерал засмеялся.

– Молодец! Смелая вы девушка! Присваиваю вам звание старшего сержанта.

Онилова даже по стойке «смирно» не встала; удивленно и растерянно смотрела на генерала. Петров подошел к ней пожать руку. А она и руки не подала, а потом протянула как-то по-девичьи, не по-военному.

Петров отпустил Нину и сказал присутствовавшему при разговоре Ковтуну:

– Замечательная девушка. Не к ордену Красной Звезды, как просят в ходатайстве, а к Красному Знамени ее представить! Совсем девочка – и такая смелая! Я приказал ее вызвать, потому что подумал, грешным делом, не приятельница ли она кому-нибудь из начальников. А она – настоящий боец! И к тому же очень скромная.

Онилова еще много раз проявляла завидную храбрость в боях, слава о ней шла по всей обороне. Нина была одесситкой, воспитывалась в детском доме, потом работала на трикотажной фабрике, вместе с другими девушками пошла добровольцем на фронт. Очень гордилась, что попала в Чапаевскую дивизию.

С первых часов руководства обороной Южного сектора генерал Петров оказался в одном из самых горячих мест битвы за Одессу. Напряженность схватки здесь не спадала, а, наоборот, все усиливалась.

В дивизии Петрова были потери, но больше всего его озаботило ранение командира 287-го полка Султан-Галиева. Этот полк в прославленной Чапаевской дивизии был новым. Он был передан в дивизию в бою на Днестре взамен 263-го полка имени Фрунзе, оказавшегося в круговерти боя в боевых порядках другой дивизии, ушедшей с 9-й армией. Получив сообщение о том, что полк в такой напряженной обстановке остался без командира, Петров должен был немедленно найти достойную замену.

Командира всегда не просто заменить, тем более при таких потерях среди командного состава, да притом все здесь сошлись недавно и командирские качества многих были известны не очень хорошо. Вот тут и вступил в действие «отдел кадров» в голове Ивана Ефимовича, его способность быстро понимать, оценивать людей, находить в них достоинства и недостатки, видеть иногда то, что человек сам в себе еще не рассмотрел.

Ситуация не позволяла терять время, давая напутствия и советы, нужен был человек, который быстро все поймет и начнет действовать немедленно. Предварительные разговоры и подсказали Петрову, что таким человеком может быть Ковтун.

Я попросил недавно Ковтуна поподробнее рассказать, как состоялось его назначение, и вот передо мной его письмо из Симферополя:

«Я был начальником разведки дивизии. Вскоре после прибытия к нам командиром Петров вызвал меня и приказал: «Немедленно отправляйтесь в 287-й полк, мне кажется, они неточно заняли рубеж, на котором приказано закрепиться, – Петров показал на карте: – Они должны быть тут, у хутора Красный Переселенец. Лично пройдите вдоль переднего края, – генерал усмехнулся, – как тогда, помните, когда в кукурузу удирали от обстрела? Когда все уточните, доложите мне по телефону».

Я тут же выехал в полк, по прибытии туда доложил майору Султан-Галиеву и батальонному комиссару Балашову о полученном от генерала Петрова задании. Я попросил их дать мне проводника, но они решили пойти со мной сами.

Вначале все шло хорошо, мы вышли на фланг и убедились, что батальон здесь правильно занимает рубеж. Но командир батальона доложил, что у него нет связи с соседом слева, там нет никого. Мы пошли вдоль левого фланга и убедились, что здесь действительно нет наших подразделений. Султан-Галиев – человек горячий – заволновался и сказал: «Сейчас мы их найдем, они где-то здесь!» Но не прошли мы нескольких сот шагов, как увидели, что в этот разрыв уже выходит подразделение противника. Хорошо, что у нас был ручной пулемет, мы сразу открыли огонь. Вскоре на звук стрельбы пришли те, кто должен был занимать этот рубеж, они просто ошиблись при ориентировании.

В общем, мы не допустили вклинения в оборону полка.

Когда вернулись в штаб полка, я по телефону доложил Петрову о том, что здесь произошло. Генерал возмутился, сделал соответствующее внушение Султан-Галиеву, а мне приказал оставаться в полку его представителем.

Конец дня и ночь прошли спокойно: утром противник перешел в наступление как раз на том стыке, где мы вчера побывали. Султан-Галиев и Балашов отправились на это опасное направление сами, чтобы организовать там отражение атаки. Не прошло и часа, как Султан-Галиев был тяжело ранен. Петров, узнав об этом, приказал мне по телефону:

– Принимайте полк, раньше вам уже приходилось командовать полком.

Генерал явно напоминал мой рассказ при первом знакомстве с ним о том, что я временно командовал полком еще до войны.

Наступление противника мы тогда отбили, но это было нелегко сделать».

Петров редко ошибался в людях, не был исключением и Ковтун.

Вот тому подтверждение. Мой очередной собеседник, полковник запаса Иван Павлович Безгинов, в те дни капитан, офицер оперативного отдела Приморской армии, был в штабе 287-го полка и видел, как Ковтун вступил в командование.

– Встретили его несколько настороженно, – рассказал Иван Павлович, – все же капитан, немолодой. А Султан-Галиева все очень любили. Но когда Ковтун сводил людей в контратаку, отбивая противника от командного пункта полка, а потом, увидев, что командир одного батальона погиб, побывал с этим батальоном в рукопашной, Ковтуна сразу зауважали и, словно сговорившись, стали называть не по званию, а «товарищ командир полка». Капитанов-то в полку много!

Маршал Крылов в своих воспоминаниях приводит одно донесение из полка Ковтуна, всего три строчки: «287-й стрелковый полк до наступления темноты отбивал ожесточенные атаки противника. К исходу дня в полку осталось 740 штыков. Подразделения полка прочно удерживают занимаемые рубежи». Крылов, комментируя эти скупые строки донесения, пишет, что 287-й полк «совершил подвиг... 740 штыков – это всего лишь батальон, если рассматривать голые цифры. Однако полк остается полком, если он и в таком составе удерживает свои позиции».

Сам Ковтун об этом бое в первые дни своего командования рассказывает:

– Сколько было в тот злополучный день атак, уж и не знаю – сбились со счета... Петров позвонил из соседнего полка, откуда видел наш правый фланг. Сказал: «Я вами доволен. Держитесь, вся дивизия держится крепко». Как же я после этого не удержу рубеж? Я же понимаю: «вся дивизия» – это всего-навсего второй наш полк, мой сосед. Потери у меня в полку все росли, к концу дня ранило комиссара полка Балашова. Его перевязали, и он остался на НП рядом со мной весь в бинтах, в крови, едва на ногах стоит. Я говорю: «Надо вам в санчасть, в госпиталь». А он отвечает: «Сейчас не имею права». И стал звонить по телефону в батальоны, указания давать, а главное, затем, чтобы знали – жив комиссар! Очень я ему был благодарен за это. В такие критические минуты слово комиссара много весит и много значит! С наступлением темноты подсчитал я потери и ужаснулся – не только потерям, а тому, как же я завтра рубеж держать буду? Обошел траншеи, поговорил с народом, вижу, чуть на ногах стоят. Спрашиваю, а как завтра? Отвечают: так до завтра покурим, поедим, похрапим маленько – силы опять наберемся. Вот я и написал то донесение и доложил, что рубеж удержим.

Общая обстановка осенью 1941 года

Чтобы были понятны причины этих кровопролитных боев, необходимо посмотреть на обстановку несколько шире, чем могли видеть тогда непосредственные защитники Одессы. В военном деле часто, а вернее, почти всегда, бывает так: участники боев и сражений неполно и неточно знают все обстоятельства и факты, влияющие на течение и исход боя. Полная картина раскрывается только после завершения сражения или войны в целом. Ее воссоздают исследователи, историки или сами военачальники уже в мемуарах. А в пылу боев неизвестно порой три

четверти того, что надо бы знать командиру, чтобы принять всесторонне обоснованное решение. Не так-то просто получить своевременно точную и полную информацию о своих войсках, не говоря уж о противнике, который прилагает все усилия, чтобы не только скрыть сведения о себе, но и ввести в заблуждение, подsunуть дезинформацию о своих силах, намерениях, сроках и направлениях ударов. Не были в этом отношении исключением и части Приморской армии.

К 20 августа, дню назначения Петрова командиром Южного сектора, было в самом разгаре смоленское сражение. Уже целый месяц длилась героическая оборона Ленинграда. Москва отражала воздушные налеты фашистов. Защитники Одессы это знали, но им было неизвестно, что гитлеровцы считали свою победу неизбежной и близкой. В те дни начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал Гальдер писал:

«Задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена. Поэтому не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России была выиграна в течение 14 дней».

Вот так быстро и просто вычеркнул нашу страну из истории – и не Геббельс в пропагандистском запале, а один из высших руководителей гитлеровских вооруженных сил, оперирующий конкретными цифрами и фактами. И он был не одинок. Гитлер тоже заявил еще 4 июля 1941 года:

«Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить».

О том, как они просчитались и какой получили отпор, теперь хорошо известно всему миру.

Для того чтобы осуществить свои планы, гитлеровцам надо было снабжать дивизии всем необходимым. И вот тут-то очень мешала Одесса, не позволяющая хозяйничать захватчикам на южном побережье и на Черном море. А Черное море – это прекрасные транспортные коммуникации для снабжения всего правого фланга германского фронта и, в частности, для осуществления планов продвижения на Кавказ.

В румынских и болгарских портах уже стояли груженные боеприпасами и другим необходимым снаряжением для гитлеровской армии суда, готовые отплыть в Одессу. Об этом Гальдер писал 15 августа:

«Войскам, действующим в районе Днепра и у Киева, требуется в среднем 30 эшелонов в день... В первую очередь необходимо как можно скорее доставить для 11-й и 17-й армий в Одессу и Херсон 15 тысяч тонн боеприпасов, 15 тысяч тонн продовольствия, 7 тысяч тонн горючего. Эти грузы должны быть доставлены в течение 10 дней после захвата Одессы».

Вот так: все спланировано, подсчитано, готово, только одного не хватает – не могут взять Одессу!

Против Одессы была брошена вся 4-я румынская армия, а через несколько дней здесь уже наступали 12 румынских дивизий (в том числе одна танковая) и еще семь бригад, а также части 72-й немецкой пехотной дивизии. Трехсоттысячная армия при поддержке большого количества танков и более ста самолетов рвалась к городу.

И все это против трех дивизий Приморской армии (плюс отдельные отряды моряков), понесших большие потери еще при отходе от государственной границы!

По военной теории наступающий должен иметь тройное превосходство в силах. Под Одессой противник имел гораздо большее, на некоторых участках даже десятикратное. Вот документ, свидетельствующий о признании противником неспособности взять Одессу, несмотря на свое превосходство, – это приказ Антонеску по 4-й армии, обнаруженный у убитого под Одессой офицера.

«Многие командиры сообщают мне, что наша пехота не поднимается и не следует за командирами, как именно случилось в 11-й дивизии... Считаю виновными командиров, если они не уничтожили на месте мерзавцев, позорящих свой народ, свои звания и свою фамилию.

Также считаю тяжело виновными всех командиров крупных и мелких подразделений, которые отсылают в тыл раненных в руки и пальцы ног. За редким исключением такие раненные – самострелы, а их нужно уничтожать на месте.

Требую от всех моральной стойкости и энергии... Вы боитесь танков. Целые наши полки, как, например, 15-й пехотный, бежали по 4–5 километров назад только от появления 3–4 танков противника... Позор такой армии, которая вчетверо, впятеро превосходит противника по численности, превосходит его вооружением... и вместе с тем сдерживалась на одном месте небольшими... советскими частями».

Август 1941 года

Танки, о которых упоминает Антонеску, были не настоящие, а местного, одесского производства. Их делали из обычных тракторов, на которые навешивали стальную обшивку, придавая им внешне форму танков. Они оказывали на противника больше, пожалуй, психологическое воздействие и не могли сделать того, что делали реальные танки в бою. Одесситы не забывали о шутках даже в трудные дни. Они назвали свое создание «танк типа НИ», что значило при расшифровке «на испуг». И эти танки действительно, участвуя в контратаках наших войск, своим грохотом, ревом моторов, лязгом плит и пластин действовали на противника устрашающе.

В одном из боев три таких самодельных танка пошли навстречу наступающей вражеской пехоте, ведя огонь из установленных на тракторах пулеметов. Пехота залегла, но вражеская артиллерия стала бить по этим танкам. Вот тут уже самодельным машинам стало худо. Одна из них была подбита и остановилась. Если бы не выручила наша пехота, экипаж мог бы попасть в плен. «Броня» танка была искорежена вмятинами от пуль и осколков, огромная пробоина зияла в борту.

Бойцы-пехотинцы качали головой и, улыбаясь, говорили отчаянному экипажу:

– Как же вы отважились на таком драндулете идти в атаку?

Лейтенант-одессит остался верен чувству юмора и в эти критические минуты. Он ответил:

– Ах, товарищи дорогие! Это же чудесная боевая машина! В другом танке снаряд внутри разорвется и тарараму там наделает боже ж ты мой! А этот фургон он так интеллигентно пронзает насквозь, что даже взрыватель не срабатывает. Меня может убить только прямым попаданием. А по теории вероятности фашисту для этого надо израсходовать больше половины своих боеприпасов, на два же таких танка у него и снарядов не хватит!

Румынское командование, гоня в бой свои войска, пыталось играть и на чувствах своих солдат, бесовестно обманывая их при этом. Однажды начальник разведки принес Петрову листовку, которая была взята у пленных румын. Читал Петров этот листок и, иронически улыбаясь, комментировал:

– Всегда, во все времена, полководцы знали цену моральному фактору. Укрепляли, повышали боевой дух разными средствами и способами. Одни использовали религию, другие

искали путь к сердцу солдата через желудок, третьи обещали хорошую добычу. Надо признать, каждый раз это давало некоторый подъем духа. Правда, ненадолго. Кроме, пожалуй, религиозных мотивов. Религия была самым действенным средством в деле укрепления моральных сил. Но самое сильное средство поднятия боевого духа воинов – не вера в бога, не шовинизм, не нажива, а сознание справедливости войны, которую они ведут. Вот вам румынская листовка. Составлена она опытной рукой, сначала дана верная картина положения на фронте. Это чтобы вызвать доверие солдат. А что потом? Пустая тарабарщина, обман, пошленькая игра на честолюбии. Вот слушайте, – сказал он тем, кто был на НП, и стал читать: «Солдаты! Противник слабее нас. Он ослаблен непрерывной, длящейся вот уже два месяца войной и разбит на всем фронте от Прута до Днепра. Сделайте последнее усилие, чтобы закончить борьбу, не отступайте перед яростными контратаками противника. Он не в состоянии победить потому, что слабее нас. Наступайте! За два дня вы овладеете самым большим портом на Черном море. Это будет наивысшая слава для вас и для страны. Весь мир смотрит на вас, чтобы увидеть вас в Одессе. Будьте на высоте вашей судьбы!»

– На двадцать третье августа на Соборной площади, как они ее по-старому называют, назначен парад войск в честь взятия Одессы и молебен в Успенском соборе, – сказал начальник разведки.

– Ах прохвосты! – Петров нервно дернул головой, будто боднул в сторону противника, стекла его пенсне холодно блеснули. – Мы вам устроим парад!

Злобствуя из-за упорства защитников Одессы и из-за малодушия своих войск, Антонеску и его генералы шли на крайние средства. Не учитывая происшедших за последние годы изменений в оружии и в тактике, румынские командиры прибегали к так называемой психической атаке.

23 августа Петрову доложил по телефону командир 31-го полка о начале какой-то необычной атаки. Петров, выйдя тут же на наблюдательный пункт, увидел, что по полю движутся четкими развернутыми строями подразделения противника. Прямо как в фильме «Чапаев»! Офицеры шагали с шашками наголо, а солдаты с винтовками наперевес. Позади строя, сверкая начищенными трубами, шел и играл оркестр. Звучал четкий марш, и колонны, чеканя шаг, как на параде, приближались к нашим позициям.

Все это было очень неожиданно и выглядело как-то несерьезно.

– Ну, это не от хорошей жизни, – сказал генерал Петров. – Они потеряли надежду одолеть нас в обычном бою и поэтому бросаются на такую крайность. Неужели они не понимают, что в наши дни, при современном оружии, психическая атака равноценна самоубийству?

Генерал молча смотрел на приближающегося противника и невольно любовался своеобразной красотой движущихся под звуки марша войск. Был солнечный день. Роты шли по полям ровно. Сверкали начищенные сапоги офицеров и обнаженные сабли в их руках. Было тихо. Никто не стрелял. Только звучала музыка. Все замерли, пораженные этим неожиданным парадом смерти.

– Красиво идут! – произнес Иван Ефимович точно те слова, которые сказал когда-то Чапаев при виде таких же колонн каппелевцев. – Но глупо! Ах как глупо! Даже жалко их, хоть это и враги. Ну что же, не мы вас сюда звали! Начальник артиллерии, открыть огонь! Разогнать и уничтожить эту глупую нафабренную банду!

Ударил артиллерия. Было странно и жутко видеть, как рвутся снаряды, вскидываются черные конусы земли, огня и пламени вблизи колонн, а потом и прямо в гуще шагающих. Сломались ряды, наступающие затоптались на месте. Еще несколько прямых попаданий, и солдаты стали разбегаться. Замолк оркестр, его тоже накрыли взрывы. Офицеры махали клинками, кричали, звали вперед, но в это время ударили еще и пулеметы, защелкали выстрелы винтовок. Сраженные падали то тут, то там. Наконец уцелевшие повернули и общей массой кинулись

назад, а пули выхватывали все новых и новых врагов. Немногие добежали до своих окопов. Долго еще над полем были слышны крики и стоны раненых. Помогать им было некому. Те, кто был проучен нашим огнем в этой психической атаке, возвращаться на поле боя не решались. Только ночью румыны стали уносить раненых. Наши слышали, что в поле идет эта работа, но огня не открыли.

Петров был доволен – отбито еще одно наступление, – но все же с некоторой грустью размышлял: «Почему так неразумно ввели в бой в современной войне румынские командиры свои войска?» Вскоре на этот вопрос дал ответ приказ, обнаруженный у пленного офицера. Вот что в нем было написано:

«Господин генерал Антонеску приказывает: командиров, части которых не наступают со всей решительностью, снимать с постов, предавать суду, а также лишать права на пенсию. Солдат, не идущих в атаку с должным порывом или оставляющих оборонительные линии, лишать земли и пособий на период войны. Солдат, теряющих оружие, расстреливать на месте. Если соединение отступает без оснований, начальник обязан установить сзади пулеметы и беспощадно расстреливать бегущих. Всякая слабость, колебание и пассивность в руководстве операциями будут караться беспощадно. Этот приказ немедленно сообщить всем частям, находящимся под вашим командованием».

Иван Ефимович вспоминал, как еще совсем недавно, в Ташкенте, он читал лекции заочникам академии и, опираясь на исторические примеры, излагал им ленинскую мысль о том, что исход современной войны как никогда прежде определяется не простой численностью участвующих в ней людей, а отношением широких народных масс к целям и задачам войны, отношением к своему политическому и военному руководству. Он преподносил это как теорию, в которую сам верил, но верил так же, как верят в сложные формулы. И вот теперь, в первые месяцы войны, здесь, в боях за Одессу, он видел не формулу, а самую живую действительность, из которой вытекает эта формула.

Численность румынской армии превосходила наши силы в пять раз. Румынские воины в прошлом, защищая свое отечество, не раз показывали высокую стойкость и мужество, а здесь они были пассивны. Шли в бой по принуждению, явно не желая погибать ради чуждых им целей войны. Политическое и военное руководство румынской армии не было объединено с солдатскими массами единой идеей, общей устремленностью к победе. Румынские генералы или выслуживались перед немецкими хозяевами, или боялись их, а румынский солдат вообще толком не знал, за что он идет на смерть. Обещанные земли и какие-то призрачные блага на новых завоеванных землях ему все равно не достанутся, да и на кой черт они нужны ему, эти земли, если за них надо отдать жизнь! Я не раз бывал в Румынии после войны, собирал материалы для этой книги, разыскивал документы и, что мне казалось особенно важным, беседовал с людьми, теми самыми солдатами и офицерами, которые участвовали в боях под Одессой. Здесь я приведу некоторые сведения, помогающие понять обстановку тех дней, о которых идет речь.

Антонеску был опытный военачальник и знал, что солдатам армии кроме оружия необходимы еще и моральные стимулы, которые объединяли бы их усилия, повышали активность и вели к достижению поставленных целей. Какие стимулы мог предложить Антонеску как глава правительства?

Антонеску назвал эту войну «святой войной», а пропагандистский аппарат вдалбливал солдатам в головы, что эта война святая потому, что она ведется против большевиков-безбожников, которые не только сами не верят в бога, но и притесняют всех верующих. В румынской армии широко распространялись брошюры и буклеты с фотографиями, показывающими, как русские сбрасывают кресты и колокола с церквей, как в церквях устраиваются различные склады, как на демонстрациях 1 Мая и в другие праздники насмеваются над попами, одеваясь

в их одежды и делая живые карикатуры. Румынского солдата, таким образом, звали в бой «за веру», «за дело, угодное богу». В Румынии в те годы народ был темный, религиозный, и вся эта идеологическая обработка конечно же имела определенное воздействие. Но, как видим, не очень сильное, во всяком случае не такое, как хотелось бы Антонеску; румынский солдат не проявлял желаемой активности в бою. А хозяева Антонеску требовали, нажимали на него, действовали не только кнутом, но и пряником. Так, в августе 1941 года в Бердичеве в штабе командующего группой армии «Юг» Гитлер наговорил Антонеску очень много приятных слов, называл его «освободителем Бессарабии» и, отмечая его военные заслуги, наградил и тут же вручил высшую награду рейха – Рыцарский крест.

Как же после этого «рыцарю» докладывать о бесконечных неудачах наступления на Одессу! Антонеску рвал и метал из-за того, что солдаты идут в бой неохотно, всячески увиливают, симулируют болезни, самострелами выводят себя из строя. Вот и погнался мстительный диктатор своих солдат на убой – колоннами! Не хотите воевать, так я вам покажу! В колонне все друг у друга и у офицеров на виду, тут шагу не сделаешь ни вправо, ни влево, не отстанешь и за куст не спрячешься, только вперед – под пули и снаряды противника! Эта психологическая мера и месть за строптивость имели и воспитательное назначение: в бой колоннами были посланы несколько батальонов, «отличившихся» своей особой инертностью, а всей армии как бы показывалось – и с вами будет то же, если не пойдете в наступление!

В Румынии, уже в 1981 году, я беседовал с несколькими участниками боев под Одессой. Стефан Петреску, пожилой, седой, полный и добродушный человек, приветливо улыбается, смотрит на меня доверчивыми и немного виноватыми глазами:

– Мы оказались на стороне фашистской Германии по какой-то исторической роковой ошибке. Мы ведь были на положении оккупированных Гитлером стран – Польши, Чехословакии и других. На нашей земле была большая, недружественная, а фактически оккупационная немецкая армия. Нас все время держали за горло! Из нас прежде всего качали нефть. По-настоящему мы должны были бы сражаться с гитлеровцами. Пусть бы они нас оккупировали, как другие страны Европы, но мы смотрели бы честно людям в глаза. Мы бы устроили партизанское движение, и горючее не шло бы непрерывным потоком на заправку танков и самолетов Гитлера. Гитлер обманул и нас и – главное – наше государство.

– Но оккупация, партизанская борьба – это страдания и жертвы, – напомнил я.

– Другие народы шли на это! – горячо сказал Стефан. – И нам бы пойти, но быть честными. А что получилось? Вот послушайте, что пишет наш румынский писатель Тудор Аргези. – Мой собеседник снял книгу с полки, нашел нужную страницу и стал читать: – «У французов были маки, у русских – партизаны. Известно, чем занимались во время оккупации сербы, греки, норвежцы, бельгийцы, голландцы, поляки... Наберемся смелости и в этот час обратимся мыслью к горькой правде и своей совести. Вполне естественно, это неудобно. Но мы все в разной степени являемся сообщниками всех преступных актов, подлежащих суду. В то время, когда наши друзья, братья и товарищи гибли в тюрьмах, бродили по белому свету, не будем лицемерить, – мы ели жирно, запивали смачно, хохотали громко, развлекались в переполненных пивных, ресторанах и на балах...»

Тудор Аргези был большой и честный писатель, он был правдив, нарисовал неприглядную картину позорного поведения определенных кругов. Но Аргези не знал, что в это время в Румынии существовали другие, прогрессивные, силы, и в первую очередь коммунисты, что они боролись. Свидетельство тому – подлинный документ тех дней, короткий и выразительный. Это листовка, напечатанная на машинке, она распространялась в румынских войсках:

«Генералы, офицеры и солдаты! Не выполняйте приказы предателя Антонеску – это приказы нашего палача Гитлера! Отказывайтесь идти в бой! Возвращайтесь в страну, чтобы защитить ее вместе со всеми патриотами от опустошающих орд гитлеровцев.»

Создавайте во всех частях комитеты и тайные группы солдат и офицеров-патриотов. Готовьтесь к великой освободительной борьбе!»

Патриотические силы в тылу и на фронте, как видим, действовали, хоть их было слишком мало. Коммунистическая партия была еще очень слабой. Но тем не менее высшее командование армии пристально следило за работой коммунистов и принимало свои меры. Я привез из Румынии копию документа, не только подтверждающего это, но и показывающего обстановку в армии, которая действовала под Одессой. Это письмо по времени написано позднее и адресовано 3-му корпусу, но, видно, лишь оно попало в руки коммунистов. Нет сомнения, что аналогичные распоряжения получали все соединения румынской армии в самое разное время. Ныне этот документ экспонируется в Национальном историческом музее в Бухаресте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.